

Санкт-Петербургский государственный университет

ЕРЕМЧЕНКО Александра Владимировна

Выпускная квалификационная работа

***Класс интерпретационных глаголов и проблемы их перевода (на
материале чешского и английского языков)***

Уровень образования: магистратура

Направление *45.04.01 «Филология»*

Основная образовательная программа ВМ.5831.2020 «Славянские языки и
литературы»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра славянской
филологии, д.ф.н.
Иванова Елена Юрьевна

Рецензент:
ассистент-профессор,
Государственный
университет Чжэнчжи,
канд. филол. наук,
Савченко Александр Викторович

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Глаголы интерпретации в семантической классификации предикатов	8
1.1. Семантическая классификация предикатов	8
1.2. Глаголы интерпретации как особый класс предикатов	13
Выводы по главе 1	27
Глава 2. Глаголы интерпретации в английском языке.....	28
2.1. Глаголы интерпретации в английском языке: основные признаки и их реализация в тексте.....	28
2.1.1. Семантические признаки	29
2.1.2. Грамматические признаки	33
2.1.3. Сочетаемостьные признаки	33
2.1.4. Лицо при ИГ. Условия для перволичных употреблений.....	35
2.1.5. Реализация в тексте признаков ИГ, описанных в англоязычных исследованиях данного класса предикатов.....	37
2.2. На границе классов: спорные зоны семантической классификации предикатов	40
2.3. Глаголы суждения и изменения психологического состояния через призму концепции Б. Левин.....	42
2.3.1. Judgment Verbs («глаголы суждения») и их альтернации	44
2.3.2. Amuse-Type Psych Verbs («глаголы психологического состояния типа <i>amuse</i> ») и их альтернации	47
Выводы по главе 2	53
Глава 3. Глаголы интерпретации в чешском языке: основные признаки и их реализация в тексте	56
3.1. Семантические признаки	56
3.2. Грамматические признаки	61
3.3. Сочетаемостьные признаки	61
3.4. Лицо при ИГ. Условия для перволичных употреблений.....	62
Выводы по главе 3	63
Глава 4. Глаголы интерпретации в переводоведческом аспекте (на материале чешского и английского языков).....	65
Выводы по главе 4	80

Заключение	81
Список сокращений	86
Список источников	86
Список использованной литературы.....	87

Введение

Работа посвящена семантическому классу глаголов интерпретации. Интерпретационными глаголами (далее – ИГ) называются такие глаголы, с помощью которых говорящий не называет конкретное действие, а лишь дает ему интерпретацию, напр. *Вы ошибаетесь; Вы мне угрожаете?; Он промахнулся с этим делом* [Апресян 2004: 6]. Глаголы, обладающие интерпретационным значением, рассматривались на материале русского языка [Зализняк 1991; Падучева 1996; Гловинская 1989], но впервые этот класс был назван термином «интерпретационные глаголы» и описан Ю.Д. Апресяном [Апресян 1997, 1999, 2004]. Помимо этого, существуют исследования данной группы глаголов на материале болгарского [Иванова 2009, 2012а, 2012б] и английского языков [Schmid 2020; Maass et al. 2006; Semin, Fiedler 1988]. Однако большинство исследователей (кроме Ю.Д. Апресяна и его последователей) не проводят четкой границы между глаголами интерпретации и поведения, как это будет показано далее. В то же время на материале чешского языка эта тема не получила освещения вовсе.

Актуальность исследования связана, во-первых, с дискуссионностью выделения глаголов интерпретации как семантического класса предикатов. Их семантические особенности накладывают определенные ограничения на другие признаки класса – сочетаемостные, грамматические и т.д. Во-вторых, данный класс предикатов недостаточно изучен на материале английского и вообще не изучен на материале чешского языка. В-третьих, не описаны способы перевода представителей рассматриваемого класса глаголов в языковой паре «чешский-английский».

Объектом исследования в данной работе послужил класс интерпретационных глаголов в английском и чешском языках.

Предметом исследования являются структурные и семантические особенности этого класса предикатов, позволяющие выявить межъязыковые соответствия данных глаголов.

Цель работы состоит в описании основных типичных (ядерных) глаголов интерпретации в чешском и английском языках на основе выделенных релевантных признаков, а также в установлении способов перевода данных глаголов в указанной паре языков.

Для достижения данной цели решаются следующие **задачи**:

1. На основе изученной литературы, посвященной глаголам интерпретации, выявить место ИГ в семантической типологии предикатов.
2. Выяснить, являются ли признаки ИГ, описанные в лингвистических работах по данной теме, релевантными для выбранных языков или нет, доказать их состоятельность или несостоятельность на материале собственной выборки.
3. Определить условия, при которых английские и чешские интерпретативы могут быть употреблены в форме 1 л.
4. Рассмотреть способы, при помощи которых в предложение, содержащее ИГ, вводится конкретное действие, то есть изучить семантические валентности ИГ.
5. Предложить варианты дальнейшего деления глаголов, обладающих той или иной степенью интерпретационного значения, на материале английского языка.
6. Выявить основные соответствия чешских глаголов интерпретации в английском языке, описать различные способы перевода глаголов данной группы с чешского языка на английский.

Материалом для исследования в главе 2 послужила выборка из Корпуса современного американского английского языка (COCA) (<https://www.english-corpora.org/coca/>). Выборка производилась посредством поиска английских лексем со значением интерпретации, для каждой лексем задавались четыре грамматические формы (инфинитив, причастие второе, причастие первое, форма настоящего времени третьего лица единственного числа), которые

представляют глагол во всех основных временах и формах. Для каждой искомой лексемы брались первые 100 контекстов, которые далее подвергались сплошному просмотру. На этом этапе выборка очищалась нерелевантных примеров. Таким образом, из полученных 1600 контекстов было отобрано 118, которые составили исследуемый материал.

Материалом для главы 3 послужила выборка чешских глаголов интерпретации из Чешского национального корпуса (<https://www.korpus.cz/>). Поиск задавался по выбранным лексемам в форме инфинитива, т.к. данный корпус выдает выборку, содержащую искомое слово сразу во всех словоформах. Из найденных 400 контекстов материалом для исследования послужили 53 единицы.

Материалом для главы 4 послужили контексты, содержащие глаголы с интерпретационным компонентом значения, из романа Милана Кундеры “*Nesnesitelná lehkost bytí*” и их переводческие соответствия в английском переводе. Исследуемый материал насчитывает 40 пар двуязычных контекстов.

В работе использовались описательный и сопоставительный **методы** исследования.

Задачи и методика исследования определили следующую **структуру** работы. Работа состоит из четырех глав. В первой главе рассматривается место класса ИГ в семантической классификации предикатов, вычленяются основные признаки данного класса предикатов. Во второй и третьей главах на основе собранной выборки рассматриваются специфические грамматические, семантические, контекстуальные характеристики данных глаголов на материале английского и чешского языков соответственно, а также делаются выводы о релевантности этих признаков для собранного материала. В четвертой главе на основе контекстов, содержащихся в романе Милана Кундеры “*Nesnesitelná lehkost bytí*” и его переводе на английский язык, делаются выводы о чешско-английских параллелях среди глаголов

интерпретации, также анализируются переводческие проблемы, накладываемые семантикой данных глаголов.

Глава 1. Глаголы интерпретации в семантической классификации предикатов

1.1. Семантическая классификация предикатов

Современная лингвистика рассматривает глагольную лексику с точки зрения семантики наравне и во взаимодействии с такими глагольными характеристиками, как вид, лицо, наклонение, время, род, число, а также особенностями деривационного и синтаксического поведения глаголов. Так создаются семантические типологии предикатов. Причина такого интереса к предикатам — центральная, смыслообразующая роль глагола в предложении, а также сложность его как части речи ввиду большого количества глагольных характеристик.

Семантическая классификация предикатов предполагает их рассмотрение с позиции лексического значения глагола и, исходя из этого, роли, которую предикат приписывает актантам предложения. Классификацией предикатов в этом аспекте занимались такие ученые, как Ю.С. Маслов [Маслов 1948], З. Вендлер [Vendler 1957], Дж. Миллер [Miller 1970], Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980], Ч. Филлмор [Fillmore 1968], Л.В. Щерба [Щерба 1974], М. Льюинг [Luing 1970], С. Дик [Dic 1978], Д. Доути [Dowty 1979], А. Вежбицка [Wierzbicka 1980], Л.М. Васильев [Васильев 1981], Т.В. Булыгина [Булыгина 1982], О.Н. Селиверстова [Селиверстова 1982], Е.В. Падучева [Падучева 1996; 2004], Е.Ю. Иванова [Иванова 2009; 2011] и др.

В отечественной лингвистике первой работой, в которой была сделана попытка заложить основы семантической классификации глаголов, была статья Ю.С. Маслова «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке» [Маслов 1948]. Ю.С. Маслов, задаваясь вопросом, почему для одних глаголов возможно существование в обоих видах, а для других нет, разделяет глаголы на группы по признаку наличия видовых пар и приходит к выводу, что причина заключается в глагольной семантике. Так, на двух противоположных "полносах" оказываются непарные глаголы

НСВ и СВ. Первые лишены внутреннего предела и не поддаются моментализации, обладая лишь процессуальностью, их длительность обуславливает существование лишь в форме НСВ. Вторые же, напротив, не имеют воплощения в НСВ, т.к. их главное свойство — моментальность, и их нельзя представить в виде длительного процесса. Между этими двумя крайними множествами находятся парные глаголы. Место глагола на данной видовой оси влияет на его способность вступать в различные словосочетания. В работе Е.В. Падучевой, широко использующей семантическую классификацию в своих исследованиях, отмечается, что мысль Маслова о том, что семантика влияет на сочетаемость, применима не только к глаголам, но и к другим морфологическим вариантам предикатов, таким образом, множество объектов семантической классификации расширяется [Падучева 1996]. К этой работе мы еще обратимся в разделе 1.2.

Многие положения концепции Ю.С. Маслова впоследствии были существенно дополнены и переработаны западными и славянскими лингвистами, в частности [Vendler 1957; Miller 1970; Ljung 1975; Dic 1978; Булыгина 1982; Селиверстова 1982 и др.]. «В лингвистический оборот был введен признак «контролируемость действия», позволивший создать интересную и надежную систему координат, полезную не только для аспектологии, но и для синтаксической типологии. Оказалось, что «большинство сочетаемостных характеристик глагола привязано именно к семантическим признакам» [Падучева 1996: 128], поэтому предикаты разных типов проявляют общегрупповые особенности синтаксического и — шире — грамматического поведения» [Иванова 2017: 149]. «Семантический тип предиката определяет его сочетаемостные возможности, видовые характеристики глагола, специфику деривационного и морфологического поведения» [Иванова 2009б: 6].

В 1982 г. вышла коллективная монография «Семантические типы предикатов», где в наиболее развернутом виде были представлены две классификации — Т.В. Булыгиной и О.Н. Селиверстовой. Т.В. Булыгина

[Булыгина 1982]¹ задается целью выявить наиболее общие признаки, которые можно положить в основу семантической классификации предикатов. В работе речь идет о предикатах русского языка, но ее с легкостью можно применить и к болгарским предикатам как раз благодаря универсальности описанных принципов, что осуществлено, например, по отношению к болгарскому языку в работах Е.Ю. Ивановой [Иванова 2009 и др.] Т.В. Булыгина выделяет следующие факторы, лежащие в основе деления предикатов на классификационные группы: 1) отсутствие/наличие временной связанности (вневременность, постоянность/эпизодичность); 2) статичность/динамичность; 3) длительность/недлительность; 4) временная перспектива, т.е.: а) перспективность или бесперспективность (для процессов), б) подготовленность или неподготовленность предшествующим процессом (для событий); 5) контролируемость/неконтролируемость.

Для приложения данных признаков к конкретным предикатам вводится понятие положения вещей, используемое автором в самом широком значении, а именно — «то, что может иметь место в каком-нибудь мире» [Булыгина, Шмелев 1997: 46]. Для определения места искомого предиката в классификации положение вещей подвергается оценке с позиции каждого из признаков. Сначала в зависимости от наличия или отсутствия временной связанности предикат распределяется либо в группу качеств (отсутствие временной связанности), либо в группу явлений (наличие временной связанности). Оказавшиеся явлениями предикаты «проверяются» на динамичность, и исходя из этого им присуждается либо звание динамичных явлений (действий), либо статических явлений (сюда относятся состояния, ситуации (поведения), положения (позиции), местонахождения (пребывания)). Далее динамические явления делятся на процессы и события в зависимости от того, отвечают ли они признаку длительности: процессы, таким образом, представляют собой «деятельности», а события — поступки. Процессы,

¹ Далее эта работа цитируется по изданию [Булыгина, Шмелев 1997].

выражаемые неопредельными глаголами, называются гомогенными, они представляют гомогенную («бесперспективную») деятельность и передаются однородными по способу протекания предикатами, выраженными глаголами НСВ. Процессы, выражаемые предельными глаголами НСВ, называются тенденциями, а их пары СВ — результатами. Постепенность отличает результаты от происшествий (достижений), которым эта постепенность не присуща. Таким образом, была создана классификационная сетка предикатов на основе нескольких дифференцирующих признаков.

Другой вариант классификационной сетки был представлен Селиверстовой в той же коллективной монографии 1982 г., однако классификация Булыгиной обрела наибольшую известность в отечественном языкознании.

Что касается чешского языка, исследования, посвященные семантическим классификациям предикатов, представлены на его материале не в такой обширной и всеобъемлющей форме, как это сделано для русского и английского языков. Впервые эта тема получила освещение на чешском материале в 80-е гг. XX в., а именно – в работе “Větné vzorce v češtině” (1981) Ф. Данеша и Зд. Главсы [Daneš, Hlavsa 1981]. В основу данного исследования положена концепция т.н. «формул предложений», которые формируют синтаксис предложений чешского языка, являясь системно структурированным набором правил, в соответствии с которыми «говорящий формулирует уникальные высказывания» [Daneš, Hlavsa 1981: 41]. Формулы предложений обнаруживают в себе грамматический (GVV) и семантический (SVV) компоненты. Семантическая классификация предикатов в [Daneš, Hlavsa 1981] строится на противопоставлении динамичных (predikáty dynamické (dějové)) и статичных предикатов (predikáty statické (nedějové)). Динамичные предикаты подразделяются на события, или мутации (události (mutace)), и процессы (procesy). Процессы далее подразделяются на активные (akční) и неактивные (neakční).

Соотнеся основные классы чешских глаголов с вышеописанными «формулами предложений», авторы работы выделили пять основных формул:

- vzorce se slovesy pohybu (формулы с глаголами движения);
- vzorce se slovesy manipulování (формулы с глаголами манипуляции);
- vzorce se slovesy mluvení, myšlení a vnímání (формулы с глаголами говорения, мышления и восприятия);
- vzorce se slovesy s obecným významem změny (формулы с глаголами с общим значением изменения);
- vzorce se slovesy obecně pojatých a elementárních dějů (формулы с глаголами общих и элементарных действий).

Дальнейшее освещение семантическая классификация предикатов на материале чешского языка получила в работе Й. Новотного “Nástinu syntaktického popisu češtiny” [Novotný 1984]. Автор делит глаголы на сюжетные (dějová) и ситуативные (situační). Ситуативные глаголы выражают статически мыслимые отношения: существование, локализацию, принадлежность, квалификацию, сходство, различие. Глаголы действия в свою очередь характеризуются течением во времени и динамичностью. Они делятся на событийные со значением изменения и процессуальные со значением проявления, поведения или действия.

В работе “Mluvnici češtiny III. Skladba” [Petr et al. 1987] представлена классификация предикатов, опирающаяся на четыре признака: членимость (členěnost), сюжетность (dějovost), характер движения сюжета (považa dějového pohybu) и действие (akčnost). По признаку членимости глаголы делятся на те, в семантической структуре которых есть действующее лицо, и те, в которых нет. Признак сюжетности разграничивает предикаты, действие которых длится и не длится во времени. Характер движения сюжета, согласно Й. Новотному, может быть статичным и динамичным. Для предикатов действия характерно наличие по крайней мере двух участников: агенса и пациенса, отсутствие действие характеризуется отсутствием агенса.

В исследовании “Příruční mluvnice češtiny” [Karlík 1995] основным параметром для разделения предикатов на классы выступает признак «изменения» (*změna*) [Karlík 1995: 372]. Предикаты, не имеющие такого признака, могут быть разделены на предикаты состояния и действия.

Несколько иной подход к семантической классификации предикатов видим в исследовании “Skladba češtiny” [Grepš, Karlík 1998]. Авторы полагают, что семантические классы предикатов, обладая разными синтаксическими свойствами, отражают обобщенные типы т.н. «микроситуаций». Например, предикаты *zničit* ‘уничтожить’, *zrušit* ‘отменить’, *usmrtit* ‘убить’, *vygumovat* ‘стереть, устранить’, *vumýt* ‘искоренить’ при всех своих различиях отражают один и тот же тип микроситуации – «сделать так, чтобы кого-то/чего-то не было». Авторы вводят понятие «элементарной структуры предложения» (*elementární větná struktura*), тесно связанной с семантическими функциями классами предикатов. Так, выделено девять элементарных структур предложения: *identita* (идентичность), *existence* (существование), *vlastnosti* (свойства), *přináležitost* (принадлежность), *poloha* (положение), *lokalizace* (локализация), *kvantita* (количество), *korelace* (соотношение) и *proces* (процесс).

1.2. Глаголы интерпретации как особый класс предикатов

В данном разделе мы рассмотрим глаголы интерпретации и их особое место в типологии предикатов. Работой, которая внесла наибольший вклад в изучение ИГ на материале русского языка, является статья «Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства» Ю.Д. Апресяна [Апресян 2004] (см. также [Апресян 1997, 1999]).

ИГ — это глаголы, которые «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян 2004: 5].

К таким глаголам Ю.Д. Апресян относит: *бросать тень (на кого-л.), вредить, выгораживать (над кем-л.), выручать (кого-л.), грешить, давить (на кого-л.), злоупотреблять, издеваться (над кем-л.), карать, клеветать (на кого-л.), кривить душой, мешать (кому-л.), нарушать дисциплину, обелять (кого-л.), ошибаться, подводить (кого-л.), поддерживать (директора), позориться, покровительствовать (кому-л.), поощрять, попустительствовать, портить, поступать неправильно <правильно>, потакать (кому-л.), потворствовать (кому-л.), превышать (полномочия), предавать (кого-л.), пренебрегать, промахнуться (Ты промахнулся с этим делом), просчитаться, противодействовать, распускать (кого-л.), распускаться (о поведении), ронять достоинство, совершать преступление, содействовать, способствовать, терять лицо, унижаться.*

Ю.Д. Апресян отмечает, что очень разные конкретные действия могут быть интерпретированы как одинаковый тип поступков, даже если эти действия не имеют ничего общего друг с другом. Напр., такие действия, как *соблазнить, украсть, поесть мяса в пост*, типизируются в виде *согрешить*.

Согласно Ю.Д. Апресяну, «конкретные действия, служащие основанием для этических, юридических или иных квалификаций, ... представляются как имевшие место быть» [Апресян 2004: 6], поэтому даже в форме НСВ настоящего времени ИГ имеют не актуально-длительное, а перфективное значение, напр., выражение *Вы ошибаетесь* означает *Вы уже ошиблись*.

Впервые интерпретационное значение глагола в форме НСВ было описано М.Я. Гловинской в [Гловинская 1989] следующим образом: «‘До момента речи имело место конкретное единичное действие; говорящий, имея в виду это прошлое действие или его результат, в момент речи интерпретирует это действие как некий тип поведения’. Или, в более общем виде: ‘Говорящий, имея в виду прошлое действие Р, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R’. Момент, когда произошло интерпретируемое событие, является неопределенным» [Гловинская 1989: 113]. Также М.Я. Гловинская отмечает превосходство актуальности интерпретации над актуальностью результата конкретного действия или высказывания [Гловинская 1989: 114]. Важно отметить, что М.Я. Гловинская не вводит понятие «интерпретационный глагол», не стремится выделить отдельную группу предикатов, она описывает само интерпретационное значение, присущее, по ее мнению, только форме НСВ глаголов интенциональной семантики, напр. «*Они торопятся с выводами; Ты же ее убиваешь; Вы берете меня за горло*» и т.д.

[Гловинская 1989: 114]. Ю.Д. Апресян же в свою очередь первым вводит термин «интерпретационный глагол».

Следуя за М.Я. Гловинской в определении интерпретационного значения глагола, Ю.Д. Апресян вычленяет следующие свойства ИГ как класса: 1) интерпретационное значение принципиально двухактантно, это выражается в наличии двух переменных, описанных в следующем толковании интерпретационного значения: «Говорящий, имея в виду прошлое действие Р, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R» [Апресян 2004: 6]; 2) оба актанта являются предикатами; 3) имеет место типизация, т.к. предикат Р обозначает конкретное действие, а предикат R — тип действия/состояния/деятельности; 4) интерпретация всегда принадлежит говорящему.

В целом принимая анализ М.Я. Гловинской, Ю.Д. Апресян замечает, что трактовка интерпретационного значения как формы настоящего времени НСВ (т.е. как грамматического значения) приводит к некоторым трудностям: во-первых, оно несовместимо с другими видо-временными значениями этой формы (настоящее историческое, настоящее непосредственно предшествующего действия, настоящее экспозиционное), во-вторых, все свойства ИГ сохраняются в формах, отличных от формы настоящего времени НСВ. Таким образом, Ю.Д. Апресян трактует интерпретационное значение как лексическое, а не как грамматическое значение глагола. «Тем самым ИГ оказываются особым лексико-семантическим классом фундаментальной классификации предикатов» [Апресян 2004: 8]. Фундаментальной автор называет классификацию, именуемую вендлеровской, классификацией Маслова-Вендлера, таксономической и т.п., т.е. именно той, что была рассмотрена в разделе 1.1. По Ю.Д. Апресяну, ИГ в этой классификации имеют приблизительно такой же статус, как и глаголы поведения (последние в концепции Е.В. Падучевой признаются «малой» таксономической категорией [Падучева 1996: 129]).

В языке существует готовая система наименований действий: грех, измена, обман, ошибка, подвиг, помощь, предательство, преступление, проступок и т.д. «Интерпретация представляет собою в конечном счете квалификацию конкретного действия или состояния человека с помощью этой готовой номенклатуры обобщенных ярлыков, т.е. подведение частного случая под общий случай особого рода» [Апресян 2004: 9].

Значение ИГ складывается из двух основных частей — пресуппозитивной (предикат Р) и ассертивной (сама интерпретация в виде предиката R). Оба предиката обычно семантически согласованы друг с другом, напр.: *Вы ошибаетесь (R), если думаете (P), что он подчинится приказу*, где Р и R — стативные предикаты.

Специфика ИГ, согласно Ю.Д. Апресяну, заключена в следующих особенностях: 1) сентенциональная форма отражает прототипические употребления ИГ, т.е. в них соблюдены следующие условия: а) есть указание на конкретное действие/состояние Р; б) ИГ имеет референцию к моменту речи; 2) ассерцией является модальная рамка «говорящий считает, что...».

Свойства ИГ Ю.Д. Апресян разделяет на аспектуальные и синтаксические. К аспектуальным свойствам относятся: а) семантическое сближение форм СВ и НСВ вследствие присущей ИГ перфективности (напр., высказывания *Вы клеветаете на него* и *Вы оклеветали его* очень близки по значению); б) от прототипических ИГ не образуются производные со значением длительности действия; в) ИГ не сочетаются с наречиями длительности (такими, как, например, *долго*). К семантическим свойствам относятся: а) необычные, иногда уникальные формы выражения валентности: деепричастия (*Он просчитался, поехав на автобусе*), придаточные предложения, вводимые союзами *если* или *когда* (*Вы ошибаетесь, если рассчитываете на его поддержку*), сочинительные цепочки (*Девушка мешала ему вести машину — без умолку тараторила, вертелась, хватала за руку*), псевдосочинительные цепочки (*Он опоздал и тем самым всех подвел*), разговорные конструкции с анафорическими сентенциональными

местоимениями типа *это, тут (Это ты погорячился)*; б) неспособность употребляться во вводной конструкции.

Ю.Д. Апресян указывает на соприкосновение значений ИГ с другими классами предикатов — действиями (*наказывать, помогать, поощрять*), состояниями (*ошибаться, переоценивать*), оценками (*ютиться, всучить*), поведением (*баловаться, дебоширить, капризничать, привередничать, скандалить*) и др. Таким образом, в группу ИГ входят глаголы разных семантических классов предикатов. Тем не менее, автор обращает внимание на существенные различия ИГ и прототипических глаголов обозначенных классов.

Класс ИГ близок одновременно и глаголам оценки, и глаголам поведения.

К глаголам поведения Ю.Д. Апресян относит следующие глаголы: *артачиться, баловаться, безобразничать, бесчинствовать, буянить, геройствовать, дебоширить, дурачиться, дурить, жеманиться, капризничать, кривляться, ломаться, манерничать, обезьянничать, озорничать, паясничать, привередничать, проказничать, ребячиться, скандалить, скоморошничать, сумасбродить, упрячиться, фиглярствовать, хулиганить, чудить, шалить*. [Апресян 2004: 12-13].

Различия ИГ и глаголов поведения, по Ю.Д. Апресяну, состоят в следующем:

1) в отличие от ИГ, глаголы поведения свободно употребляются в актуально-длительном значении НСВ, т.к. о поведении можно говорить тогда, когда станет известно о ряде однотипных действий объекта на протяжении какого-л. времени;

2) отсутствие у глаголов поведения форм СВ, в то время как от подавляющего числа ИГ можно образовать формы СВ;

3) прототипические формы глаголы поведения свободно употребляются с активными начинательными глаголами² (коими являются, например, *приняться и, в некоторой степени, начать*), ИГ — нет: невозможно сказать, *Он принялся нарушать дисциплину*, в то время как *Он принялся кривляться* — нормальное утверждение;

² Подробнее о начинательных глаголах см. [Недялков 1987; Храковский 1987]

4) глаголы поведения хорошо сочетаются с активным финитивным глаголом *бросить* в форме повелительного наклонения, а ИГ — нет: *Брось дурачиться* — правильное утверждение, *Брось злоупотреблять моим доверием* — нет.

Обратим внимание, что в работе Е.В. Падучевой [Падучева 1996] часть глаголов интерпретации (*грешить, издеваться, ошибаться* и др.) объединена с глаголами поведения³.

Различия между ИГ и глаголами оценки заключаются в следующем:

1) указание на конкретное действие в ИГ образует пресуппозицию, а его квалификация говорящим — ассерцию, тогда как в оценочных предикатах указание на определенное действие составляет ассерцию, а оценка образует модальную рамку [Апресян 2004: 11]. Семантическая структура оценки характерна для глаголов пропагандистской лексики.⁴

2) ИГ свободно подвергаются отрицанию, а глаголы оценки — нет, для их отрицательного употребления необходим специальный контекст, например, *Они не ютились в тесных каморках, как мы*. В данном случае наличие сравнения делает возможным отрицательный характер оценочного слова *ютиться*.

Тем не менее, ИГ и оценочные глаголы очень близки семантически и могут совмещаться в пределах одной лексемы, тем самым образуя пересекающиеся классы предикатов, например, *клеветать, лакировать, приукрашивать*.

Г.И. Кустова [Кустова 2004] также придерживается базового положения о том, что глаголы, обладающие интерпретационным значением, не описывают конкретную ситуацию, а сразу дают ее интерпретацию. «Общая особенность предикатов интерпретации состоит в том, что есть некоторая

³ Описанием класса интерпретационных предикатов в сопоставлении с глаголами поведения занималась также Е.Ю. Иванова (см. [Иванова 2009, 2012а, 2012б]). Как и другие исследовательницы (А.М. Айдарова, Т.В. Мазаева [Айдарова 2015]), Е.Ю. Иванова отмечает тот факт, что между группой ИГ и глаголами поведения в определенных контекстах есть пересечения, например, когда они употребляются в контексте упрека или совета [Иванова 2012б: 6].

⁴ К таковым относятся, например, *ввалиться, втереться в доверие, набухать (соли в суп), околачиваться, переть, припереться, пробраться (к власти), хапать, шиньять, вояж, зачинщик, сборище* и т.п.

ситуация Р со своим собственным «физическим» (денотативным) содержанием, происходящая в реальном (физическом) пространстве и времени, которая, однако, прямо не названа (ср.: — *Он нарушил закон / опозорил полк / огорчил сестру. — А что он сделал?*), и есть ее интерпретация, оценка с определенной точки зрения — проекция во внутреннюю сферу человека, которая и выражается соответствующим предикатом интерпретации. Эта проекция существует, естественно, не в физическом, а в информационном пространстве — в пространстве человеческих эмоций, мнений, знаний, установок, ценностей и т.п.» [Кустова 2004: 211]. Для ИГ, как и для всех предикатов экспериенциальной семантики, характерна, в концепции автора, семантическая двуслойность: существует некоторая физическая ситуация (которая, по Г.И. Кустовой, принадлежит к т.н. «энергетической» сфере, противопоставленной сфере информационной) и некоторая реакция человека на данную ситуацию, которая и является интерпретацией.

Г.И. Кустова также использует понятие «экспериенциальная составляющая» — это такая составляющая, которая присутствует «в любой ситуации, в которой человек участвует в качестве Агенса или Пациенса» [Кустова 2004: 212]. Именно благодаря данной составляющей у глаголов физического действия могут развиваться экспериенциальные значения (напр., *выдать, выразить*) [Кустова 2004: 212]. Мы в данной работе будем считать такие предикаты периферией класса ИГ, т.к. прототипическими ИГ они не являются и приобретают интерпретационное значение только в определенном контексте.

По мнению Г.И. Кустовой, ключевым понятием для описания экспериенциальных предикатов (т.е. таких предикатов, которые «выражают информационную связь (отношение) человека с некоторой ситуацией, в которой он не участвует, но на которую он реагирует или которую актуализирует в своем внутреннем мире» [Кустова 2004: 212]) является

каузация [Кустова 2004: 213]. Каузативные глаголы включают в себя три основных семантических компонента: (1) 'поступок P(X)' (=каузатор); (2) 'является причиной' (= каузация); (3) 'последствие Q(Y)'. Соответственно, интерпретация в том смысле, в котором мы ее понимаем вслед за Ю.Д. Апресяном, является частным случаем экспериенциального значения, а также содержит в себе элементы каузации, т.к. 1) ИГ в нашем понимании отражают отношение человека к некоторой ситуации; 2) такое отношение каузировано неким конкретным действием. Данный тезис подтверждается тем, что в концепции Г.И. Кустовой к глаголам с событийным каузативом, или глаголам косвенного результата относятся следующие единицы: *выдать* (*его выдало волнение*), *выручить* (*выручило знание языков*), *задержать* (*разговором*), *заинтересовать* (*рассказом*), *защитить* (*от нападков*), *избавить* (*от страданий*), *лишить* (*покоя*), *опозорить* (*опозорить полк отказом от дуэли*), *погубить*, *подвести* (*память подвела*), *разорить* (*карточными проигрышами*), *разочаровать*, *спасти*, *уберечь*, *удержать* (*от опрометчивого поступка*), *утомить*, *помочь*, *помешать*, *испортить* (*кому-либо настроение*). Глаголы эмоциональной каузации: *испугать*, *обидеть*, *обрадовать*, *огорчить*, *разозлить*, *расстроить* и др. Глаголы, типичным каузативом которых является речь: *вести в заблуждение*, *обмануть*, *оскорбить* (*подозрениями*), *отвлечь* (*от работы*), *поддержать* (= *оказать поддержку*), *успокоить*, *утешить* и т.п. «Глаголы с положительной оценочной семой (*спасти*, *обрадовать*, *избавить* и т.п.) будем для краткости называть положительными, с отрицательной (*опозорить*, *огорчить*, *испортить*, *лишить* и т.п.) — отрицательными, имея в виду, что они обозначают положительный и отрицательный эффект соответственно» [Кустова 2004: 215].

Подчеркнем, что группа глаголов косвенного результата (как его описывает Г.И. Кустова) оказывается значительно шире, чем класс ИГ в нашем понимании, т.к. косвенный результат в зависимости от контекста может быть приписан практически любому глаголу, напр., глаголу *задержать* (*X задержал Y-а разговором* = 'X поговорил с Y-ом, из-за этого Y задержался') [Кустова 2004: 217]. В то же время определенный самой Г.И. Кустовой класс предикатов интерпретации [Кустова 2004: 232] оказывается обширнее границ ИГ, которых придерживаемся мы, потому что в него, помимо собственно

глаголов интерпретации, входят глаголы интерпретации поведения (напр., *задаваться, важничать*) и многочисленные оценочные слова (напр., *плохо, правильно, этично, безнравственно* и т.п.) [Кустова 2004: 232].

Отдельное внимание Г.И. Кустова уделяет рассмотрению глаголов *ошибиться* и *нарушить*, которые называет глаголами интерпретации, или оценки (в широком смысле), или косвенной (вторичной) номинации [Кустова 2004: 232]. По мнению автора, задача описания предикатов интерпретации состоит в том, чтобы выделить определенный набор признаков, руководствуясь которыми носители языка подводят конкретные ситуации под оценку ОШИБКА или НАРУШЕНИЕ [Кустова 2004: 232]. В семантике обозначенных оценок есть много общего: «Об ошибке говорят в том случае, когда человек сделал не то, что следовало, или то, что не следовало. Однако под эту схему подводится и нарушение, и преступление, и проступок. Все это несоответствие — норме, правилу, закону, требованию, замыслу, цели и т.д.» [Кустова 2004: 232 – 233]. Как же тогда отделить ОШИБКУ от НАРУШЕНИЯ? Г.И. Кустова предлагает следующее решение: ошибка «субъективна», она приводит к недостижению индивидуальной цели, за ошибку не судят, а скорее сочувствуют, в то время как нарушение «интерсубъектно», оно приравнивается к невыполнению или неправильному выполнению законов, правил, норм, требований, запретов, за нарушением следуют санкции. Однако самое главное отличие состоит во внутреннем состоянии субъекта: нарушивший правило знает об этом, ошибка же совершается по незнанию, т.к. если бы субъект знал, он бы не ошибся [Кустова 2004: 233].

Г.И. Кустова выделяет три разных типа «ошибочных» ситуаций, которые различаются не только по психологическому содержанию, но и по языковому выражению:

1) действие с ошибочным результатом (напр., *ошибся дверью, ошибка пилота*);

2) поступок-ошибка (напр., *Зря он женился на Клаве; это была ошибка*);

3) ошибочное мнение / убеждение / суждение (*— Они не знакомы. — Вы ошибаетесь, они встречались несколько раз*).

Для третьего типа ошибки характерно «нетривиальное (актуализированное) значение НСВ — X ошибается; в таких контекстах *ошибаться* часто можно заменить на *заблуждаться*, у которого вообще нет СВ:

Я не знаю причин, по которым он подозревает убийство, но я уверен, что он заблуждается (= ошибается)» [Кустова 2004: 240].

Для нашего исследования наибольший интерес представляет последний тип «ошибочных» ситуаций⁵, т.к. именно в нем речь идет о собственно ИГ, а не о предикатах со значением интерпретации в широком смысле.

Помимо глаголов, обладающих интерпретационным значением, Г.И. Кустова также исследует интерпретационные предикативы, напр., *бессердечно, низко, преступно* и т.д., в конструкции с инфинитивом [Кустова 2021а, 2021б, 2021в].

На материале чешского языка, как уже упоминалось ранее, отсутствуют исследования, посвященные рассматриваемой группе глаголов. Тем не менее, в некоторых основополагающих работах о семантических классификациях предикатов (см. обзор в 1.1) встречаются упоминания единиц, подобных тем, что являются объектом исследования в нашей работе. Так, в [Daneš, Hlavsa 1981] глагол *hrozit* ‘угрожать’ (однокоренной этому глагол мы далее будем рассматривать как интерпретационный (см. главу 3)) вместе с такими глаголами, как *přesvědčit* ‘убедить’, *rozhodnout* ‘решить’, *určit* ‘определить’, относится к классу предикатов передачи информации (*predikáty odevzdávání informace*), а именно к подклассу «других» (*jiné*), противопоставленных

⁵ Подробный семантический анализ двух болгарских глаголов такого типа, представляющих ошибочную оценку (*подценявам* и *надценявам*), дан в работе [Ivanova, Eremchenko 2021]

подклассу *Verba dicendi* (глаголы говорения), куда вошли *mluvit* ‘говорить’, *promluvit* ‘сказать’, *besedovat* ‘беседовать’ и др.

В [Novotný 1984] глагол *škodit* ‘вредить’ отнесен к группе процессуальных глаголов переходного действия, выражающих действие, переходящее с деятеля на объект, наряду с такими глаголами, как *číst* ‘читать’, *sledovat* ‘преследовать’, *honit* ‘гнаться’, *bojovat* ‘воевать’.

Рассмотрим теперь ИГ с точки зрения их трактовок и изучения английскими исследователями, чье внимание в основном направлено на культурологический и социологический аспект использования данного класса предикатов. В английской литературе для обозначения ИГ используется термин *Interpretive Action Verbs (IAV)* — глаголы интерпретационного действия.

Обратимся в первую очередь к определению, данному в работе “*Measuring Implicit Causality: The Linguistic Category Model*” [Schmid 2020], — «*Interpretive Action Verbs also refer to observable events in a situational context, but they require additional interpretation and typically evaluation. Verbs like to help, to hurt, to cheat, to encourage abstract from the concrete manner of helping, hurting, and so on; they interpret a specific behavior as belonging to a class of behaviors*». (Глаголы интерпретационного действия также относятся к наблюдаемым событиям в ситуационном контексте, но они требуют дополнительной интерпретации и, как правило, оценки. Такие глаголы, как *помогать, обижать, обманывать, поощрять* абстрагированы от конкретного способа помощи, обиды и т. д.; они интерпретируют определенное поведение как принадлежащее к классу поведений — здесь и далее перевод мой. А.Е.) [Schmid 2020: 7].

В вышеупомянутой работе выделяются следующие определяющие черты IAV: (1) *observable event* (наблюдаемое событие), (2) *single behavioral event* (единичное поведенческое событие), (3) *autonomous comprehension*

(автономное понимание), (4) refer to a class of behaviors (относятся к классу поведений), (5) characteristic features (характерные черты), (6) interpretation beyond description (интерпретация довлеет над описанием) [Schmid 2020: 7].

Заметим, что, как и Г.И. Кустова, авторы данной работы не разграничивают глаголы интерпретации и оценки.

К понятию IAV обращаются и авторы статьи “Do verbs and adjectives play different roles in different cultures? A cross-linguistic analysis of person representation” [Maass et al. 2006], посвященной эксперименту, проведенному авторами с целью выяснить, действительно ли западноевропейцы (итальянцы) в описании людей больше полагаются на прилагательные, описывающие черты характера, а азиаты (японцы) — на глаголы, описывающие поведение людей. Согласно Маасс и др., «IAV ... describe larger classes of behaviors, typically with evaluative connotations (“A hurts B”), although they maintain a clear reference to a specific behavior in a specific situation» (глаголы интерпретационного действия описывают более крупные классы поведений, как правило, с оценочными коннотациями (“А вредит Б”), хотя они сохраняют четкую связь с конкретным поведением в конкретной ситуации) [Maass 2006: 737]. Говоря о более крупных классах поведений, авторы статьи имеют в виду сравнение с Descriptive Action Verbs (DAV) — буквально глаголы описательного действия (такие, как, например, *to hit*, *ударить*). Авторы также отмечают, что IAV, по сравнению с DAV, чуть более абстрактны [Maass 2006: 737].

Важным вкладом в изучение интерпретационных глаголов на материале английского языка можно считать “The Cognitive Functions of Linguistic Categories in Describing Persons: Social Cognition and Language” [Semin, Fiedler 1988]. Авторы объединяют DAV, IAV, SV (State Verbs — глаголы состояния, куда входят такие примеры, как *love* (любить), *respect* (уважать), *abhor* (питать отвращение), *trust* (доверять)) и прилагательные в группу под названием Interpersonal terms (межличностные термины) [Semin, Fiedler 1988: 559].

Составляющие этой группы используются для описания людей. Нас в данной работе прежде всего интересует видение авторами глаголов интерпретации как подгруппы предикатов, служащих для такого описания.

Согласно Г. Семину и К. Фидлеру, можно выделить несколько признаков IAV:

1) IAV связаны с наблюдаемыми поведенческими событиями [Semin, Fiedler 1988: 559];

2) IAV имеют явный оценочный компонент, позитивный или негативный [Semin, Fiedler 1988: 559];

3) IAV соотносятся с множеством разных действий, между которыми может не быть ничего общего [Semin, Fiedler 1988: 559];

4) действие, обозначаемое IAV, имеет начало и конец [Semin, Fiedler 1988: 560].

5) в отличие от глаголов состояния, предложения, содержащие IAV, содержат скорее описание ситуации, нежели человека [Semin, Fiedler 1988: 560].

Стоит отметить, что подход Г. Семина и К. Фидлера к изучению IAV наиболее близок к нашему пониманию интерпретации.

Г. Семин и К. Фидлер предлагают следующий список IAV: *attack* (атаковать), *blackmail* (шантажировать), *correct* (исправлять), *command* (командовать), *denigrate* (очернять), *deride* (высмеивать), *denounce* (осуждать), *encourage* (вдохновлять), *excite* (волновать, возбуждать), *harass* (приставать, домогаться), *hurry* (спешить), *intervene* (вмешиваться, вступаться), *hurt* (вредить), *manipulate* (манипулировать), *mislead* (вводить в заблуждение), *restrict* (ограничивать), *thank* (благодарить), *threaten* (угрожать), *amuse* (развлекать), *betray* (предавать), *cheat* (обманывать, изменять), *deceive*

(обманывать), *disobey* (ослушаться, нарушать), *flatter* (льстить), *harm* (вредить), *help* (помогать), *save* (спасать), *warn* (предупреждать).

Рассмотрим данный список с точки зрения соответствия его составляющих нашему пониманию интерпретации. Некоторые глаголы из списка (*correct, hurry*) не обладают положительной или отрицательной окраской и в целом являются нейтральными. Другие же могут быть причислены к периферии класса поведений (*blackmail, command, denounce*). Еще несколько глаголов, как нам кажется, могут быть причислены к интерпретациям, только находясь в определенных контекстах: *attack, intervene, restrict, thank, save, warn*. Остальные глаголы из данного списка удовлетворяют нашим представлениям об ИГ.

В Главе 2 будет более подробно показан механизм выявления у глагола интерпретационного значения и, соответственно, соотнесения его с классом ИГ.

Выводы по главе 1

В данной главе на основе научных работ, посвященных ИГ, было рассмотрено и проанализировано место данного семантического класса в семантической типологии предикатов. Было выявлено, что позиция интерпретативов в такой типологии особая, т.к. глаголы данной группы не составляют отдельный однородный класс семантической типологии: в их состав могут входить предикаты разных семантических групп, объединенные рядом специфических характеристик, основной из которых является интерпретационное значение (т.е. способность, не называя конкретного действия, давать ему интерпретацию, оценку со стороны). Интерпретационное значение двухактантно, оно состоит из конкретного действия (которое является пресуппозицией) и квалификации этого действия говорящим (которая является ассерцией) [Апресян 2004: 11]. Данная группа глаголов не была достаточно изучена на материале русского и английского языков, до сих пор не существует общепринятого перечня признаков таких глаголов, совершенно отсутствуют исследования на материале чешского языка. В нашей работе мы, следуя за Ю.Д. Апресяном, будем относить к ИГ глаголы, обладающие следующими признаками: двухкомпонентность значения (наличие пресуппозиции, т.е. интерпретируемого действия и ассерции, т.е. собственно интерпретации), наличие референции к моменту речи, перфективность, неспособность сочетаться с наречиями длительности, а также некоторыми синтаксическими возможностями (см. об этом далее).

Глава 2. Глаголы интерпретации в английском языке

2.1. Глаголы интерпретации в английском языке: основные признаки и их реализация в тексте

Задача данной главы – проследить, как признаки типичных ИГ реализуются в тексте на материале английского языка. Для ее решения мы воспользуемся списком ядерных ИГ, отобранных в результате изучения англоязычных исследований данной группы глаголов [Levin 1993, Semin, Fiedler 1988: 560].

В качестве ядерных ИГ мы предлагаем взять список, выдвинутый Г. Семиным и К. Фидлером, из которого мы изъяли те глаголы, которые, как нам кажется, обладают интерпретационным значением только в определенных контекстах или смыкаются с классом поведений, и, соответственно, не могут считаться ядерными. Таким образом, в нашем списке остаются ИГ: *denigrate* ‘очернять’, *hurt* ‘вредить’, *threaten* ‘угрожать’, *flatter* ‘льстить’, которые мы рассмотрим в данной главе.

Для начала подтвердим наше суждение о том, что данные предикаты действительно содержат в своем значении интерпретационный компонент, для этого обратимся к их словарным толкованиям⁶:

Hurt – 1) *to feel pain in a part of your body, or to injure someone or cause them pain*; 2) *to cause emotional pain to someone*; 3) *to cause harm or difficulty*.

Denigrate – *to say that someone or something is not good or important*.

Threaten – *to be likely to cause harm or damage to something or someone*.

Flatter – *to praise someone in order to make them feel attractive or important, sometimes in a way that is not sincere*.

Обратим внимание на то, что толкования выбранных нами предикатов содержат указание на некоторое действие, которое не исчерпывает понятия толкуемого глагола, например, *denigrate* – *to say that someone or something is not good or important* ‘клеветать, чернить, порочить’; *flatter* – *to praise someone in order to make them feel attractive or important, sometimes in a way that is not*

⁶ Толкования лексем даны по Cambridge Dictionary (<https://dictionary.cambridge.org/>).

sincere ‘льстить’. Так, в случае *denigrate* глагол *say* не исчерпывает всего его толкования так же, как и *praise* не определяет *flatter*, они являются конкретными действиями, которые подвергаются интерпретации.

Определив группу исследуемых предикатов, еще раз перечислим характеристики ИГ (по [Апресян 2004]), реализацию которых мы рассмотрим в данной главе: двухкомпонентность значения (наличие пресуппозиции, т.е. интерпретируемого действия и ассерции, т.е. собственно интерпретации), наличие референции к моменту речи, перфективность, неспособность сочетаться с наречиями длительности, способность сочетаться с начинательными глаголами. Помимо этого, будет рассмотрено, какими способами в предложении с английским ИГ может быть введено интерпретируемое конкретное действие, а также – какие существуют условия для употребления данных предикатов, обладающих негативной семантикой, в форме 1 л. Мы также рассмотрим реализацию признаков ИГ, перечисленных в [Semin, Fiedler 1988].

2.1.1. Семантические признаки

Двухактантность, или двухкомпонентность, значения интерпретационных глаголов выражается в наличии двух переменных, описанных в следующем толковании интерпретационного значения: «Говорящий, имея в виду прошлое действие Р, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R» [Апресян 2004: 6]. В предложении, содержащем предикат с интерпретационным значением, «подразумевается» второй предикат, выражающий некое конкретное действие. Иногда это конкретное действие легко прослеживается из левого и правого контекстов, как это происходит в примере: *They would **threaten to blow it up into a scandal** unless she agreed to report on the people who got drunk in her bar.*

Читатель понимает, что предикатом *threaten*⁷ интерпретируется конкретное действие «сказать, что раздуют скандал». В то же время, набор конкретных действий, интерпретируемых как *threaten*, не ограничивается глаголами, связанными с речью: угрожать можно каким-либо объектом, направляя его на объект угроз и готовясь причинить вред, как это видно в контекстах: *It is possible to threaten the Vietnamese army with one's fist.*; *Franz watched his friend from the Sorbonne lift his fist and threaten the silence on the other side.*

Диалоговые контексты также часто дают представление об интерпретируемом конкретном действии, т.к. в таких контекстах интерпретация обычно дается в ответ на некое высказывание, которое и подвергается интерпретации, см., например, контекст:

"I know you haven't," said Professor McGonagall, sounding half exasperated, half admiring. "But you're different. Everyone knows you're the only one You-Know- oh, all right, Voldemort, was ever frightened of."

"You flatter me," said Dumbledore calmly. "Voldemort had powers that I will never have."

Существуют разные способы введения в предложение конкретного действия Р. Напомним, что, согласно [Апресян 2004: 18], русские глаголы интерпретации обладают набором уникальных валентностей: форма деепричастия глагола со значением конкретного действия или состояния, придаточные предложения, вводимые союзами *если* или *когда*, сочинительные цепочки, псевдосочинительные цепочки и разговорные конструкции с анафорическими сенетнциональными местоимениями, отсылающими к конкретному действию. Рассмотрим, какие из этих валентностей характерны также для английского языка и какие необычные валентности можно найти на материале нашей выборки.

⁷ При работе с выборкой исключались контексты, в которых интерпретации «угроза» подвергаются действия, якобы совершающиеся неодушевленными объектами (напр., *But the bicycles stopped just at the moment when the front wheels threatened to slide into the abyss on the heads of the musicians*).

1. Герундий в позиции подлежащего: ...corrupting the price mechanism will always hurt the marketplace. Такая форма способствует обезличиванию деятеля, тем самым смещая фокус с него на конкретное действие.

2. Форма герундия подчиненной предикации, следующая за ИГ: *I flatter myself thinking of amazed pedestrians telling others of the worlds they saw*.

3. Предлог **by**: *They know by abandoning the public system they are hurting it*; *The governor, politicians and special interests **are threatening** voters by saying, "vote for our massive tax increase or..."*; *This idea that we **are hurting** businesses by increasing the tax on high-income earners is nonsense*.

4. Бессоюзное придаточное предложение:

*State of Law **is threatening** it will dissolve the Parliament if the infrastructure law is not passed as is*.

5. Конкретное действие **вынесено за пределы предложения**, содержащего ИГ: *Our visual skills begin atrophy from disuse, and even more insidiously, we start to **denigrate** the visual parts of our brain. We think it's unreliable; we think it's superficial; or we think it's juvenile and patronizing*.

6. **Сочинительные цепочки**: *You just felt entitled to write what you pleased and potentially hurt the reputation of someone you do not know and who did not deserve it*.

7. Для глагола *threaten* – **частица to** при инфинитиве, указывающая на действие, нежелательное для объекта угрозы: *Even China **is threatening to discard all supply to Apple**...*; *...now she's **threatening to sue one website**...*

Для глаголов, обладающих интерпретационным значением, характерна **референция к моменту речи**, то есть интерпретация говорящим какого-либо конкретного действия происходит именно в момент речи, даже если действие произошло задолго до него, еще не произошло или вообще никогда не произойдет.

Интерпретация уже имевших место быть конкретных действий – логична. Действие произошло, прошло время, в течение которого говорящий

мог его оценить и определить его в какую-то из интерпретационных категорий (по [Апресян 2004]: *грех, преступление, измена* и т.д.). Но каким образом возможна интерпретация действий, которые еще не произошли, и, что еще более интересно, никогда не произойдут? Обратим внимание на такие контексты:

*a. It's my first article, so please **don't hurt** me too much down in the comments section.*

*б. I don't think adding rep to war-bands would necessarily **hurt** anything, I just don't see why it is "needed"...*

*в. Just don't use it as a platform to **denigrate** those of us who actually create things.*

*г. My only requirement is that you make sense and **don't threaten** anyone.*

Контексты (а-г) можно разделить на две группы:

1) те, в которых вводится просьба не совершать (или прямой запрет совершать) действие, которое негативно интерпретируется говорящим (см. контексты (а), (в), (г)). В таких случаях ИГ используется для того, чтобы сократить инструкцию, которую дает говорящий, ведь под интерпретацию *hurt*, например, подходит много конкретных действий, которые говорящий не желает видеть под своей статьей (а) – это и написание негативных комментариев, и оскорбления, и насмешки.

2) те, в которых говорящий интерпретирует возможные последствия некоторых конкретных действий, которые еще не произошли. В данном случае использование ИГ позволяет говорящему коротко и емко изложить свою мысль, особенно когда подразумевается несколько видов последствий, объединенных в одну категорию, например категорию *вреда* (б).

Таким образом, референция к моменту речи при использовании ИГ для интерпретации конкретных действий, которые еще не произошли, проявляется в том, что, обдумывая еще не произошедшие конкретные действия, говорящий заранее интерпретирует их, причем эта интерпретация может служить языковой экономии.

2.1.2. Грамматические признаки

Конкретные действия, служащие основанием для интерпретации, представляются как имевшие место быть [Апресян 2004: 6], поэтому даже в форме НСВ настоящего времени ИГ имеют не актуально-длительное, а **перфективное** значение. Данный признак находит объяснение в следующем: во-первых, чтобы быть проинтерпретированным, действие сначала должно быть совершено, либо должно начать совершаться, во-вторых, если действие еще не окончено, и говорящий уже видит основу для интерпретации, действие будет проинтерпретировано. При этом для интерпретации может быть использован ИГ в НСВ, тем не менее, оценка на момент речи уже состоялась (данный признак ИГ был описан в разделе 1.2). В английском языке отсутствует категория вида глагола, тем не менее, схожим с НСВ значением обладает временная форма Present Continuous, используемая для передачи действия, совпадающего с моментом речи, напр. *You're not helping me; you're hurting me!*; *The people who are defending Laci are now stalking, harassing and threatening so-called Social Justice bloggers.*

Помимо Present Continuous в английском языке существуют другие способы выражения действия, которое не является завершенным на момент речи. Так, форма Present Simple в большинстве случаев используется для выражения регулярных действий и потому соотносится с несовершенным видом, благодаря чему так же используется в контекстах с ИГ, обнаруживая их перфективность: *I flatter myself thinking of amazed pedestrians telling others of the worlds they saw.*

2.1.3. Сочетаемость признаки

Ю.Д. Апресян указывает на неспособность русских ИГ сочетаться с наречиями длительности, что объясняется их перфективностью [Апресян 2004: 9]. Действительно, абсолютное большинство контекстов нашей выборки не содержит наречий длительности, и лишь два примера обнаружили их существование: ... "*long considered the de-facto motto of the United States, is not*

*accidental for multiculturalists, who **have long denigrated** the concept that immigrants must strip away their old culture in favor of the "oneness" of American civilization.; I don't know beans about Todd Akin, his person, his positions, his opponent (beyond her name **having long been derided** here), or the situation on the ground in MO.* В данных контекстах наречия обозначают не продолжение действия, а темпоральный промежуток, во время которого многократно (или время от времени) совершаются точечные действия.

Согласно [Апресян 2004], глаголы класса интерпретаций способны сочетаться с активными начинательными и финитивными глаголами (для русского языка исключение составляют *приняться* и *бросить*), то есть такими, которые указывают на начало и конец действия. Наша выборка показала всего два контекста, в которых содержится начинательный глагол *start* – с предикатами *denigrate* и *threaten*. В данных контекстах мы видим указание на действие, которое является причиной начала интерпретируемого конкретного действия (а), либо, наоборот, начало конкретного действия, которое как-то интерпретируется, становится причиной начала другого действия (б).

a. Our visual skills begin atrophy from disuse, and even more insidiously, we start to denigrate the visual parts of our brain.

б. When workers start to threaten a business and strike and become unreasonable, they can expect to some businesses to strike back.

Что касается активных финитивных глаголов, сочетаемость с ними также не является общей тенденцией, согласно материалу нашей выборки, хотя она и представляется возможной, как видно из нижеприведенного контекста (в), содержащего финитивный глагол *stop*, использованный говорящим для того, чтобы обратить внимание на проблемное, по его мнению, отношение общества к жанру книг, которому он симпатизирует.

в. Quite often, they don't read at all, in my experience. I don't pretend to understand what their problem is with my choice of entertainment, but it exists and it will continue to exist until the media stops denigrating the genre.

Итак, наш материал не дает возможности утверждать, что сочетаемость с активными начинательными и финитивными глаголами является частотным признаком ИГ на материале английского языка.

2.1.4. Лицо при ИГ. Условия для перволичных употреблений

Согласно М.Я. Гловинской, обычно интерпретационным значением обладают формы «2- и 3-го лица, и – гораздо реже – первого. Это связано с тем, что говорящий чаще интерпретирует и подвергает оценке чужие поступки, чем свои собственные» [Гловинская 1989: 114].

Действительно, перволичные употребления обнаруживаются в нашей выборке реже, чем второ- и третьеличные, но, тем не менее, они существуют. Задача этого раздела – исследовать, какие контексты позволяют говорящему давать интерпретацию своим собственным действиям на материале английского языка. Наша выборка выявила следующие факторы, провоцирующие употребление ИГ в форме первого лица:

а) Контекст **отрицания** обусловлен тем, что чаще всего ИГ имеют негативно-оценочную семантику. Это дает говорящему возможность интерпретации своих действий «от противного» в конкретной ситуации (а-з) или вообще, в принципе (и). Отрицание выражается при помощи отрицательной частицы *not* (а-з) или наречия частотности *never* (и).

a. I am not denigrating your opinion...

б. I'm not threatening their " high " status.

в. We aren't threatening. We are talking, nudging, challenging, and pushing organizations to think.

г. I certainly do not denigrate those who embrace these beliefs.

д. I don't get upset and yell at or threaten to take away toys or hit my kid.

е. ...I will not denigrate any thesis you put forth.

ж. We aren't hurting anyone.

з. POTUS himself said we should not denigrate anyone's religious beliefs and here you are, doing exactly that.

и. I never denigrated anyone...

б) Выражение **нежелания** говорящего выполнять действие, интерпретируемое при помощи ИГ в настоящем времени при помощи

конструкции *I don't mean to* (я не хочу делать X, у меня нет интенции делать X) (а-в):

- a. *I don't wish to denigrate your successes or downplay your hard work.*
- б. *I don't mean to denigrate the beliefs I describe, nor even to say they are not true.*
- в. *I don't mean to denigrate the Cuban game nor its players*

в) Контекст **вопроса** помогает говорящему запросить интерпретацию своих действий у собеседника (а), либо информацию об объекте конкретного действия интерпретации в ответ на обвинение (б):

- a. *Was I unfairly denigrating myself?*
- б. *Who exactly am I denigrating?*

г) Контекст **озвучивания чужой интерпретации** характеризуется наличием в нем гипотаксического употребления⁸. В таком случае чаще всего речь говорящего содержит не его собственную интерпретацию, а чужую:

- a. *You think that I am denigrating modern liberals...*
- б. *It's a bit over the top to suggest that in some way I'm denigrating the lives of hundreds of assassinated journalists by doing this.*
- в. *For the past week I have severely criticized the ideas of Judith Butler; one might say, in the ridicule I have leveled at them, that I have even denigrated them.*
- г. *This idea that we are hurting businesses by increasing the tax on high-income earners is nonsense.*

д) **Извинение** за действие, интерпретируемое ИГ: *I apologize for hurting your (or anybody else's) feelings.*

е) **Самоосуждение**, выраженное при помощи лексических средств, например, конструкции *at one's peril* 'на свой страх и риск', т.е. говорящий, интерпретировав свое действие, осознает его как негативное:

- a. *It requires hard work and diligence. We ignore or denigrate that work at our peril.*
- б. *...we deny, dismiss or denigrate him at our peril.*

д) Контекст, в котором негативно интерпретируемое действие представляется как **неизбежное**: *Obama was not deferential to us and refused to let us dictate national policy to the President so we had to credibly threaten to destroy the country.*

И лишь три контекста нашей выборки дают негативную интерпретацию действиям говорящего, в то же время не сопровождая контекстами, описанными выше:

- a. *If I denigrate them, I touch someone beautiful that Jesus loves.*

⁸ Подробнее о гипотаксическом контексте см. в [Падучева 2006: 406]

*б. I flatter myself thinking of amazed pedestrians telling others of the worlds they saw.
в. Our visual skills begin atrophy from disuse, and even more insidiously, we start to denigrate the visual parts of our brain. We think it's unreliable; we think it's superficial; or we think it's juvenile and patronizing.*

2.1.5. Реализация в тексте признаков ИГ, описанных в англоязычных исследованиях данного класса предикатов

В нашей работе мы также ставим перед собой задачу рассмотреть реализацию в тексте тех признаков английских глаголов интерпретации (или IAV, то есть Interpretative Action Verbs, как они названы в [Semin, Fiedler 1988]), которые были описаны в работе «The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: Social cognition and language» [Semin, Fiedler 1988]. Подобно М.Я. Гловинской и Ю.Д. Апресяну, авторы связывают значение IAV с наблюдаемыми поведенческими событиями [Semin, Fiedler 1988: 559], но при этом они не проводят четкой разделяющей черты между глаголами этих классов. Согласно [Апресян 2004], поведения и интерпретации следует четко разграничивать. Напомним, что, в отличие от глаголов интерпретации, представители класса поведений свободно употребляются в актуально-длительном значении НСВ (в то время как значение ИГ всегда перфективно благодаря их семантике), также от прототипических ИГ легко образовать форму СВ.

Семин и Фидлер подчеркивают наличие явного позитивного или негативного оценочного компонента в семантической структуре IAV [Semin, Fiedler 1988: 559]. Наша выборка это подтверждает: на основании контекстов можно легко разделить отобранные ИГ на негативные (*hurt, denigrate, threaten*) (а-в) и те, которые могут быть позитивными, либо негативными в зависимости от контекста (*flatter*) (г).

а. ...Ban Ki-moon jumped to express concern about sanctions hurting "the people" and driving up the cost of medicine.

б. ...United States been a nation that respects all faiths. We reject all efforts to denigrate the religious beliefs of others...

v. *Proposals like this **threaten** the program's independence, forcing Social Security to compete for limited federal dollars.*

z. *Ladies! Your attention **flatters** me, but you should know I'm strictly into my fellow man.*

Как и Ю.Д. Апресян, Семин и Фидлер выделяют следующий признак ИГ: они соотносятся с множеством разных действий, между которыми может не быть ничего общего [Semin, Fiedler 1988: 559]. Подтвердим этот признак на примере глагола *denigrate*. Выборка обнаружила следующий набор конкретных действий, которые интерпретируются как «очернение»:

1) указать, что шоу стало хитом только благодаря звездным качествам его ведущего (*But Mr. Lorre said that well before Mr. Sheen's comments in recent weeks, in which he **denigrated** Mr. Lorre, indicating that only because of his star quality did the show become a hit.*)

2) заявить, что скорость подсчета голосов нарушит хрупкий политический статус-кво (*When he tried to market it to members of the Massachusetts Legislature, they thoroughly **denigrated** it, claiming its speed in tallying votes would disrupt the delicate political status-quo.*)

3) указать на то, что персонал плохо справляется со своими обязанностями (*The Cards have taken to **denigrating** the Nats pitching staff, implying they choked in game 5.*)

4) сравнить человека с тем, кого говорящий по какой-либо причине считает недостойным (*They created an imaginary constitution to follow along with an imaginary bible, all while **denigrating** an imaginary Obama, comparing him with an imaginary conservative Reagan...*)

5) высказать критические замечания (*He is **denigrating** the life I've created; criticizing me for the man I am...*)

Отметим, что все эти конкретные действия действительно очень разные, объединяет их лишь указание на некие факты действительности, способные

очернить другого. Данное указание может быть выполнено разными способами: прямой речью, в письменной форме, с помощью публикации и т.д.

Помимо всего прочего, авторы выделяют следующий признак предикатов со значением интерпретации: действие, обозначаемое IAV, имеет начало и конец [Semin, Fiedler 1988: 560]. Речь здесь идет о конкретных действиях, которые интерпретируются ИГ. Лучше всего этот признак прослеживается на контекстах, содержащих в себе ИГ в форме прошедшего времени, т.к. в них интерпретируется либо уже закончившееся действие, либо длящееся в прошлом, а после завершившееся.

*...who knows how to take a bump accidents still happen like the people who **got hurt** from Barrett doing his wasteland slam maneuver and Kidman's Shooting Star Press...*

*...when she found out Ridgewood missed out by three tenths, it **hurt** worse than if it had been by a few points.*

В то же время встречаются контексты, в которых невозможно определить начало и конец интерпретируемого действия, на что указывает, например, пассивная форма Present Continuous *are getting hurt*: *...maybe the reason these key players **are getting hurt** is to further ensure Joker does not get to stick around.*

В отличие от глаголов состояния, IAV скорее описывают ситуацию, нежели человека [Semin, Fiedler 1988: 560]. Согласимся, ведь интерпретации подвергаются отдельные конкретные действия, а не вся личность человека, который их совершает.

2.2. На границе классов: спорные зоны семантической классификации предикатов

При отборе ядерных ИГ для нашего исследования возникла проблема проведения границы между собственно глаголами интерпретации и глаголами, приобретающими интерпретационное значение лишь в определенных контекстах, а также глаголами, находящимися на стыке разных семантических классов предикатов. Ю.Д. Апресян в своей основополагающей статье об ИГ заметил, что все «семантическое пространство языка непрерывно» и «во многих случаях приходится говорить не об интерпретационных и неинтерпретационных глаголах, а о доле интерпретационности в значении конкретного глагола» [Апресян 2004: 19]. В данном разделе речь пойдет о предикатах, статус которых мы считаем спорным, но в то же время обнаруживаем в их семантике долю интерпретационного значения – это глаголы *deride* ‘высмеивать’, *harass* ‘приставать, домогаться’, *amuse* ‘развлекать’ и *excite* ‘восхищать, возбуждать’. Мы приведем свои аргументы в пользу того, что данные предикаты можно рассматривать как в некоторой мере обладающие интерпретационным значением.

Толкование глагола *deride*, согласно словарю, следующее: ‘*to show that you think someone or something is ridiculous or of no value*’. Такая семантика связана с мыслительной (ментальной) деятельностью человека, что позволяет отнести предикат к классу внутренних состояний. В то же время данный глагол обнаруживает интерпретационный компонент, то есть находится на границе предикатов состояния и интерпретации. Предикат *deride* разделяет некоторые признаки ИГ, в частности, расслаивается на пресуппозицию и ассерцию (что видно в примере: *Mr. Will also **derided** the President saying that Obama wants to be on the Mount Rushmore of liberalism*), обладает негативной семантикой (ср. с неокрашенным глаголом *laugh* ‘смеяться’), перфективностью (*You deride me* значит *Вы уже сделали что-то, что показывает меня с негативной, смешной стороны*). Корпусная выборка форм

данного глагола не обнаруживает контекстов, содержащих наречия длительности, а также начинательных глаголов (что, как мы можем видеть из раздела 2.1.3., не является редкостью для английских ИГ).

Перейдем к глаголу *harass* ('*to repeatedly annoy or upset someone over a period of time*'). Из толкования глагола видно, что его значение связано скорее с эмоциональной, нежели интеллектуальной оценкой. Трудно представить себе контекст ? *Ты делаешь X и тем самым меня домогаешься*. Тем не менее, эмоциональная или нет, это все-таки оценка, которая принадлежит говорящему, т.е. разные говорящие могут обладать разным мнением по поводу того или иного действия X и, соответственно, по-разному его интерпретировать. Можно сказать, что глагол *harass* находится на стыке глаголов эмоционального воздействия и интерпретаций, при этом его пресуппозиция больше, чем у других рассматриваемых предикатов, связана с физическим, видимым действием. Как и ИГ, он может сочетаться с финитивными глаголами *stop* и *quit* (а-в).

*a. So I started speaking up about dirty issues like feminism and diversity and social justice because I thought messages like "please stop sexually **harassing** me" would be simple for skeptics and rationalists.*

*б. That's well and good. But I do think you should stop **harassing** other people for their views and opinions when they are generally where you are on...*

*в. Be thankful he is still alive and quit **harassing** the new family (or attempting to)...*

Глаголы *amuse* и *excite* тоже связаны с эмоциональной оценкой.

Amuse – *to entertain someone, especially by humorous speech or action or by making them laugh or smile.* *Excite* – *to make someone have strong feelings of happiness and enthusiasm.*

Оба этих глагола, как и *harass*, находятся на стыке глаголов эмоционального воздействия и интерпретаций, но при этом их пресуппозиция не так тесно связана с физическими действиями, как у глагола *harass*. Контексты (а-в) указывают на двухактантность значения предикатов, (г) показывает единичную возможность сочетаться с наречием длительности.

*a. I present some essays on painting, art, and hopefully **amuse** you some at the same time.*

*б. The question that **amused** me the most was "Did you lose something?"*

*в. Amélie still seeks solitude. She **amuses** herself with silly questions about the world below.*

2. *And That's The Way It Is Enough with the parties and costumes! They can only amuse us for so long. If we don't hear from Lorna soon, what will we do for entertainment?*

Семантика данных глаголов в первую очередь указывает на то, какую эмоциональную реакцию они вызывают в объекте конкретного действия, и только после этого совершается оценка. Отметим, что глаголы типа *испугать* (и, соответственно, по аналогии – *развлекать, возбуждать*) в [Падучева 2004: 275] названы «каузативными глаголами эмоции». Такие глаголы составляют ядро класса предикатов «психического состояния»⁹ [Падучева 2004: 276].

Безусловно, все перечисленные в данном разделе глаголы могут использоваться в интерпретационных контекстах, помимо этого определенные компоненты их семантического толкования указывают на оценку, но мы не можем причислить их к ядру класса ИГ. Они находятся на границе классов – интерпретативов и предикатов ментального состояния или эмоционального воздействия.

2.3. Глаголы суждения и изменения психологического состояния через призму концепции Б. Левин

Как уже упоминалось ранее, проблема разграничения глаголов интерпретации и глаголов примыкающих классов является особенно актуальной на материале английского языка, т.к. на данном языке отсутствуют исследования, описывающие ИГ как самостоятельный класс предикатов. В данном разделе мы покажем еще один возможный подход к делению группы предикатов, которые в той или иной мере обладают интерпретационным значением, однако однородной группой не являются.

В семантико-синтаксических исследованиях, одним из которых является “English Verb Classes and Alternations” Бет Левин [Levin 1993], термин «альтернация» обычно определяется как последовательные изменения или

⁹ Этот класс также включает в себя глаголы *возмутить, огорчить, взволновать, досадить, задеть, изумить, заинтересовать, опечалить, подавить, поразить, прельстить, обрадовать, смутить* и др. [Падучева 2004: 276].

чередования в аргументной структуре глагола, который имеет более чем одну валентность. В своей теории Б. Левин руководствуется двумя положениями:

1) лексическое значение глагола предопределяется некоторой лексической константой и детерминирует набор альтернатив, в которых потенциально способна участвовать данная лексема [Levin 1993: 1];

2) на основании подверженности тем или иным альтернативам весь фонд глагольной лексики некоторого языка возможно разделить на семантические классы, представители которых сходным образом реагируют на одни и те же изменения в аргументной структуре и имеют одну и ту же событийную структуру [Levin 1993: 5].

Первая часть книги “English Verb Classes and Alternations” включает в себя описание разных видов альтернатив, в то время как вторая содержит перечень семантических классов глаголов с перечислением их альтернатив. Заметим, что в то время, как Апресян определяет исследуемые нами глаголы в один класс – глаголов интерпретации, английские глаголы, обладающие таким же значением, распределены у Бет Левин по разным семантическим классам (Judgment Verbs и Amuse-Type Psych-Verbs), и, соответственно, имеют разный набор альтернатив. В этой главе мы ставим перед собой задачу исследовать валентности ядерных английских ИГ, понять, какие компоненты семантики влияют на их распределение по разным классам, а также окончательно ли это деление. Данный раздел является попыткой предложить еще один подход к разделению той массы глаголов, которые в англоязычных источниках указаны как IAV, на разные группы. Деление предлагается произвести по набору альтернатив, разделяемых глаголами.

2.3.1. Judgment Verbs («глаголы суждения») и их альтернации

Среди отобранных ИГ оказалось два глагола, которые, согласно [Levin 1993: 195], относятся к Negative Judgement Verbs (глаголы негативного суждения, или негативные глаголы суждения), это *denigrate* и *deride*. Такие глаголы означают “a judgment or opinion that someone may have in reaction to something” («суждение или мнение, которое может появиться у кого-то по отношению к чему-то») [Levin 1993: 196].

Глаголы, относящиеся к этому семантическому классу, неспособны к осуществлению медиальной альтернации (англ. middle alternation), то есть с ними невозможны такие контексты, в которых объект в предложении с переходным глаголом становился бы субъектом в предложении с непереходным глаголом, как это, например, возможно с глаголом *cut* (*Margaret cut the bread. The bread cuts easily.*). Действительно, не представляется возможным перефразирование контекста *They can also implicitly denigrate someone's personal views* в контекст *?Someone's personal views denigrate implicitly*, в то время как контекст с пассивным залогом вполне возможен и часто используется, напр.:

*The gods are angry because Africa's soul **has been denigrated** and trashed.*

То же касается и глагола *deride*: ни в одном из контекстов этот предикат не сможет осуществить медиальную альтернацию. Невозможен, например, контекст *?The people in the picture deride easily*. Как и в случае с глаголом *denigrate*, единственный способ, с помощью которого объект глагола может стать субъектом в предложении – это пассивный залог. Контекст *The people in the picture **are derided*** сможет существовать.

Бет Левин в своем исследовании перечисляет альтернации и классы глаголов, не останавливаясь, впрочем, на причинах, по которым те или иные глагольные классы не способны осуществлять ту или иную альтернацию. Здесь мы хотим добавить, что глаголы суждения (по номинации Бет Левин) именно потому не способны на медиальную альтернацию, что в их семантике присутствует оценка, которую должен выполнить сторонний наблюдатель.

Если мы лишим предложение субъекта в виде этого наблюдателя и возведем объект в субъект, глагол суждения потеряет тот семантический компонент, который является определяющим для его семантики – оценочное суждение стороннего наблюдателя.

Однако все же существует контекст, в котором объект мог бы стать субъектом предложения без смысловых потерь – это контекст, в котором объект и субъект суждения являются одним и тем же лицом. На материале английского языка невозможно употребление *?X derides/denigrates* без объекта **self (myself, yourself, himself* и т.д. в зависимости от лица) несмотря на то, что и *X*, и **self* указывают на одного и того же человека. И все же такой контекст вряд ли сможет считаться примером медиальной альтернации. Надо заметить, что контекст *X=*self* не является частотным в СОСА, нам встретилось всего несколько употреблений, среди них диалогические контексты:

Sapp derides himself for being a pawn in a dangerous game.

Don't denigrate yourself.

I would much rather commit myself to meditation/yoga than continuing to denigrate myself for my behavior.

He had tendencies to denigrate himself.

Congressman Meeks denigrates himself by sticking up for Sharpton who, to me, represents the worst of American society.

Even as a teenager, she sought extremes of emotion and accomplishment and denigrated herself when she could not meet her own expectations.

Things are now unfolding because I allowed myself to 'own' all of my strengths and experiences without denigrating myself for trying.

I was treating myself like a second-class citizen, denigrating myself with the subconscious attitude that pretty clothes would be wasted on me in my current size.

Глаголам суждения присуща Possessor Object Possessor-Attribute Factoring Alternation [Levin 1993: 195], то есть объект в предложении с переходным глаголом может быть введен при помощи предлога *for* без потери смысла, как, например, это происходит на примере глагола *praise*:

a. They praised the volunteers ' dedication.

b. They praised the volunteers for their dedication [Levin 1993: 195].

Действительно, корпусная выборка подтверждает существование такой валентности у глаголов *denigrate* и *deride*.

Rappers that spout lies are denigrated for their linguistic injustices.
Jar Jar Binks was derided for his voice and mannerisms.

Мы легко можем перестроить эти контексты так, чтобы исключить предлог *for*, при этом смысл сохранится.

The linguistic injustices of rappers that spout lies is denigrated.
Jar Jar Bink's voice and mannerisms are derided.

Однако то же самое не может быть осуществлено с предлогом *in*, что лишает упомянутый класс глаголов Attribute Object Possessor-Attribute Factoring Alternation.

I encourage you to use Tebow as a punchline to denigrate Dougie's manhood.
? *I encourage you to use Tebow as a punchline to denigrate manhood in Dougie.*
Most atheists in America have come from a christian background (like myself) and therefore just deride thier Christian upbringing.
? *Most atheists in America have come from a christian background (like myself) and therefore just deride Christian upbringing in themselves.*

Некоторым глаголам рассматриваемого класса присуща As-альтернация (англ. As Alternation), то есть они имеют способность вводить объект, отвечающий на вопрос «(ценить) как/в качестве кого?» беспредложно. Из примера из [Levin 1993: 196] видим, что *praise* относится к тем глаголам суждения, для которых такая альтернатива невозможна.

- a. They praised them as volunteers.
- b. * They praised them volunteers.

Проверим, возможна ли она для отобранных нами для анализа глаголов – *denigrate* и *deride*.

What some primary voters deride as moderate, general election voters see as mainstream.
? *What some primary voters deride moderate, general election voters see as mainstream.*
Paul is being denigrated as a presidential contender.
? *Paul is being denigrated a presidential contender.*

Показанные нами контексты под знаком вопроса дают понять, что отобранные нами глаголы не входят в число тех, что могут осуществлять As-альтернацию. Предлог *as* в таких контекстах подчеркивает, что негативной

оценке подвергается именно та сторона или часть объекта, которая была введена при помощи него.

Некоторые глаголы суждения способны к образованию дериватов-существительных со значением процесса [Levin 1993: 196]. Оба рассматриваемых нами глагола способны на такую деривацию.

*Constructive discussion, including differing opinions, is welcomed, but no name-calling, insults, derogatory remarks, or **denigrations** will be tolerated.*

*The inept performance elicited **derision** from the audience.*

2.3.2. Amuse-Type Psych Verbs («глаголы психологического состояния типа *amuse*») и их альтернации

Согласно [Levin 1993: 188], глаголы психологического состояния имеют два аргумента: экспериенцер и стимул (или тема, причина, объект или цель эмоции). То, какие синтаксические роли выполняют аргументы глаголов психологического состояния в предложении, позволяет разделить их на четыре типа. Левин проводит следующие границы:

1) переходные глаголы психологического состояния, экспериенцер при которых занимает место подлежащего (Admire-type);

2) переходные глаголы психологического состояния, экспериенцер при которых занимает место дополнения (Amuse-type);

3) непереходные глаголы психологического состояния, экспериенцер при которых занимает место подлежащего (Marvel-type);

4) непереходные глаголы психологического состояния, экспериенцер при которых занимает место дополнения, вводимого при помощи предлога (Appeal-type).

Семь из отобранных нами для анализа глаголов (*excite, harass, hurt, amuse, threaten, flatter, encourage*) оказались представителями типа Amuse-Type Psych Verbs (глаголов психологического состояния типа *amuse*), то есть они являются переходными, при этом экспериенцер в контекстах с ними является дополнением. Такие глаголы описывают изменение

психологического или эмоционального состояния, место подлежащего занимает то, что послужило причиной изменения этого состояния [Levin 1993: 191].

Большинство глаголов этого типа не осуществляют каузативную альтернатию, то есть невозможен такой контекст, в котором экспериенцер занял бы позицию субъекта, а причина изменения была бы введена при помощи предлога и заняла бы место объекта.

a. The clown amused the children.

b. * The children amused (at the clown).

Проверим, могут ли отобранные нами глаголы осуществлять такую альтернатию, или они относятся к большинству глаголов психологического состояния, для которых такой сценарий нереален.

*Stevie is taken and explains the day is of Reynolds and him and however Ivan but Trevor takes to **excite** at it.*

*It **threatens** at every opportunity to make our course as difficult as possible.*

Подобный контекст был выявлен только у двух глаголов из нашего списка – это *excite* и *threaten*. Стоит заметить, что два приведенных контекста – редчайшие. Абсолютное большинство контекстов с этими двумя глаголами используются классическую модель *причина изменения состояния-глагол изменения состояния-экспериенцер*. Попробуем ответить на вопрос, почему именно для этих двух глаголов возможно подобное употребление, для этого рассмотрим их семантику.

Excite – 1. to make someone feel happy and enthusiastic about something good that is going to happen. The prospect of working in Australia really excites me. 2. to make someone feel lively, nervous, or upset. We were warned by the doctors not to excite him. **Threaten** – 1. to tell someone that you might or you will cause them harm, especially in order to make them do something. He's been threatening me for months. 2. to say that you might or you will do something bad or harmful, especially in order to make someone do something. NATO has threatened air strikes against the capital.

Из толкований видим, что оба глагола обладают семантикой, вовлекающей сильные человеческие эмоции, то есть действия, выражаемые этими глаголами, обозначают радикальное изменение психологического и эмоционального состояния экспериенцера. Такое сильное изменение состояния, возможно, и является причиной того, что с синтаксической точки

зрения субъект переживания эмоций выносится на передний план, а причину таких эмоций становится возможным обозначить в качестве дополнения с использованием предлога *at*.

У подобных глаголов осуществляется медиальная альтернация [Levin 1993: 191].

- a. The clown amused the little children.
- b. Little children amuse easily.

Однако, такое употребление мы видим лишь у некоторых глаголов, отобранных для исследования (*excite*), в то время как другим оно недоступно (*harass*). Причина этого, как нам кажется, снова заключается в их семантике. *Harass* – это действие, всегда нежелательное для экспериенцера. Именно этим, по нашему мнению, продиктовано отсутствие у этого глагола медиальной альтернации.

*"This is very exciting to be a part of," said Jerry Sloan, the Utah coach, who **doesn't excite easily**.*

Для глаголов психологического состояния характерна также PRO-Arb Object Alternation, при них может быть опущен экспериенцер, выраженный дополнением. Однако стоит заметить, что в таком случае контекст расширяется и предложение приобретает характер обобщения, как это видно на примере Бет Левин [Levin 1993: 190]:

- a. That joke never fails to amuse little children.
- b. That joke never fails to amuse.

*The variation of paint, patterning, or polish "painted" on these sculptures infuses each work with a quality of unpredictability and violence that **never fails to excite**.*

*It's never to **hurt**.*

*He failed to **threaten** again.*

*Hem pants and skirts that have hemlines that drag or fail to **flatter**.*

*If it was, it came from my deep sense of exasperation at the ridiculous amount of foolishness a wedding seems to **encourage**.*

Однако глагол *harass* не был замечен в подобных контекстах. Возможно, причина такого явления заключается в том, что глагол *harass* обладает наиболее ярко выраженной физически направленной семантикой, и такое

воздействие не поддается обобщениям, подобным тем, что обнаруживают другие глаголы данного класса.

Possessor Subject Possessor-Attribute Factoring Alternation также хорошо применима к глаголам психологического состояния. Если контекст содержит способ, которым субъект пользуется для изменения психологического или эмоционального состояния экспериенцера, то такое предложение может быть перефразировано так, чтобы такой способ/предмет стал подлежащим:

a. The clown amused the children with his antics.

b. The clown's antics amused the children.

*"Lockdown will continue to energize and **excite with** the high level of adrenaline our fans have come to expect from our films," said WWE Studios president Michael Luisi.*

*Soldiers speak respectfully of the rebels' command of the jungle terrain and of their ability to **harass with** gunfire.*

*The farmers are getting **hurt with** the tariffs.*

*While you may not actually **threaten with** carrots, to be effective, you want to know why people are motivated to make the choices that serve them best.*

*Their throat is an open grave; they **flatter with** their tongue.*

*Somewhere there might be a person with a similar malady who I can **encourage with** these stories.*

Рассматриваемым глаголам присуща возможность экстрапозиции сентенциальных дополнений (англ. Extraposition of sentential complements), то есть место подлежащего в предложении может занимать вся конструкция, описывающая ситуацию, которая привела к изменению психологического или эмоционального состояния экспериенцера.

That the clown had a red nose amused the children.

It amused the children that the clown had a red nose.

Контексты, в которых есть указание результата, к которому привело изменение состояния экспериенцера, Бет Левин называет «результативной фразой» (англ. Resultative Phrase), приводя пример: *That movie bored me silly/to tears*. По нашему мнению, *silly* в контексте *That movie bored me silly* имеет скорее значение образа действия, нежели результата.

Рассмотрим, какие результативные фразы формируют отобранные нами глаголы и как это может быть выражено на материале английского языка.

*And they may be said to be "fiery", because they serve to inflame the mind, and **excite to sin**, as lust, anger, revenge, and the like.*

*She sued the state alleging her husband essentially **was harassed to death** by other guards who feared he might rat them out over a bogus worker's compensation claim after he injured his knee during horseplay with another officer.*

*Worthy Othello, I **am hurt to danger**.*

*To me this song is about people who hasn't got the right to have an opinion but people will never stop writing songs, talk or listen to others who has an opinion, even if they **are threatened to death**.*

*Cuomo says **he's flattered to death** his input is wanted.*

Выборка не показала подобного сочетания с глаголом *encourage*. Вероятно, причина этого в том, что результативность деятельности, обозначаемой этим глаголом (*to suggest that someone does something that you believe would be good*) – это результативность того, что было сделано экспертиенцером после такого воздействия, поэтому нам и не встретились подобные контексты.

От большинства глаголов психологического состояния типа *Amuse* (кроме *harass*) возможно образовать прилагательное при помощи окончания *-ing*, экспертиенцер при котором может быть введен при помощи предлога *to*.

*I'm sure it's not very **exciting to** somebody as sophisticated as you...*

*What's **amusing to** me is that you would cover yourself by besmirching these fliers.*

*The surrounding characters are **threatening to** the knight, who is seemingly protected by the literal and figurative armor of his faith.*

*This is very **flattering to** the prospective customer, isn't it?*

*Reading the document before the Assembly was very **encouraging to** my delegation.*

Hurting, однако, обладает другим значением, что выделает глагол *hurt* из нашего ряда. Наиболее часто оно является составляющим фразы *to be hurting*:

1) to feel emotional pain ‘чувствовать эмоциональную боль’. *He wanted her to know how much he **was hurting**.*

2) to have financial problems ‘иметь финансовые проблемы’. *Farmers **are really hurting**.*

Такие значения, как нам кажется, являются результатом того, что слово *hurt* изначально многозначно – оно обозначает как психологическую, или

эмоциональную боль, так и физическую. Выделяется из общего ряда также и глагол *harass*, не имеющий подобных примеров употребления.

Некоторые глаголы рассматриваемого класса образуют существительные с суффиксом *-er*, которые обозначают причину изменения психологического или эмоционального состояния экспериенцера или лицо, которое является такой причиной. Узнаем, ко всем ли отобранным для анализа глаголам это относится. Также возможно образование от них прилагательных с суффиксом *-able*.

Лексема *exciter* возможна только в значении “a thing that produces excitation, in particular a device that provides a magnetizing current for the electromagnets in a motor or generator”, то есть для нашего исследования она не является релевантной.

The vibration exciter is oriented relative to the rocker arm in such a way that the centrifugal force of inertia acts at a right angle to the rocker arm.

Наличие связанного со значением изменения психологического состояния деривата обнаружили такие глаголы из нашего списка, как *harass*, *flatter* и *encourage*:

If your harasser continues displaying the same behavior, inform your harasser that you plan to file a report if the behavior continues.

Brutal and cowardly, Bud is a bully one moment, a flatterer the next, determined always to keep his violence spontaneous to avoid charges of premeditated murder.

I'm resigned to being an encourager for everybody as much as I can.

Лексема *hurter* неизвестна словарю [Macmillan], и в корпусе она встречается лишь раз – в разговорном контексте.

I ain't got nothing to do with Miss Katherine. I ain't a killer. I ain't hurt nobody. I ain't a hurter, " the 43-year-old says from Dorothea Dix Hospital in Raleigh.

Что касается дериватов с суффиксом *-able*, он есть только у глагола *excite* и означает ‘becoming excited or angry very easily’.

Now I have a habit of acting like a 10-year-old excitable child around mid-November at the prospect of the upcoming festivities but even I have to draw a line somewhere between organised and completely ridiculous.

От остальных глаголов не является возможным образовать подобные прилагательные с суффиксом *-able*.

Выводы по главе 2

Итак, мы проверили реализацию в тексте таких признаков ИГ, как двухактантность значения, наличие референции к моменту речи, перфективность, неспособность сочетаться с наречиями длительности, связь с наблюдаемыми поведенческими событиями, наличие позитивного или негативного оценочного компонента, соотносимость с множеством разных конкретных действий, наличие начала и конца у конкретного действия, описание ситуации, нежели человека. Выяснилось, для нашей выборки не являются полностью релевантными следующие признаки: неспособность сочетаться с наречиями длительности (наша выборка показала возможность сочетания ИГ из нашей выборки с наречием *long*, однако в рассмотренных контекстах наречие обозначает не продолжение действия, а темпоральный промежуток, во время которого многократно совершаются точечные действия), способность сочетаться с активными начинательными и финитивными глаголами.

Были выявлены специфические для английского языка способы введения в предложение с ИГ конкретного действия: предлог *by* (*They know by abandoning the public system they **are hurting** it.*), бессоюзное придаточное предложение (*State of Law **is threatening** it will dissolve the Parliament if the infrastructure law is not passed as is*), вынесение за пределы предложения (*Our visual skills begin atrophy from disuse, and even more insidiously, we start to **denigrate** the visual parts of our brain. We think it's unreliable; we think it's superficial; or we think it's juvenile and patronizing*), сочинительная цепочка (*You just felt entitled to write what you pleased and potentially **hurt** the reputation of someone you do not know and who did not deserve it*), герундий в подчиненной предикации, следующей за ИГ (*I **flatter** myself thinking of amazed pedestrians telling others of the worlds they saw*) и герундий в роли подлежащего при ИГ (*...corrupting the price mechanism **will** always **hurt** the marketplace*). Для предиката *threaten* описана особая валентность – частица *to* при инфинитиве,

указывающая на действие, нежелательное для объекта угрозы (...*now she's threatening to sue one website*...).

В главе 2 также были рассмотрены случаи употребления ИГ в формах 1 л. единственного и множественного числа, которые не считаются свойственными глаголам с интерпретационным значением, т.к. говорящий очень редко подвергает негативной интерпретации свои собственные действия [Гловинская 1989: 114]. Однако в нашей выборке глаголы в такой форме зафиксированы. Были представлены наблюдения о том, какие условия допускают употребление негативно-оценочных предикатов в перволичной форме. Такими условиями оказались: контекст отрицания (*I am not denigrating your opinion*...), нежелание говорящего выполнять действие (*I don't wish to denigrate your successes or downplay your hard work*), контекст вопроса (*Was I unfairly denigrating myself?*), озвучивание чужой интерпретации (*You think that I am denigrating modern liberals*...), извинение (*I apologize for hurting your (or anybody else's) feelings*), самоосуждение (...*we deny, dismiss or denigrate him at our peril*) и признание неизбежности негативно интерпретируемого действия (*Obama was not deferential to us and refused to let us dictate national policy to the President so we had to credibly threaten to destroy the country*).

Раздел 2.2 содержит анализ предикатов из «серой зоны» ИГ – таких единиц, которые выступают в интерпретационном значении в некоторых контекстах, но не разделяют полностью всех признаков исследуемых предикатов. Так, оказалось, что глаголы *amuse* и *excite* связаны с эмоциональной оценкой, глагол *deride* – с ментальной деятельностью, а глагол *harass* содержит в своей семантике явный физический компонент, не присущий остальным рассматриваемым в этой работе предикатам.

Кроме того, в разделе 2.3 мы рассмотрели альтернативы и деривационные особенности двух классов английских глаголов, названные в [Levin 1993]. Выяснилось, что не все они разделяют упомянутые особенности, особенно четко это прослеживается в группе Amuse-Type Psych Verbs. Причисленный

Бет Левин к этому классу глагол *harass* не осуществляет медиальную и PRO-Arb Object Alternation альтернации, в то время как с глаголом *encourage* оказалось невозможным построить «результативную фразу». Также глаголы *harass*, *encourage*, *hurt* отличают деривативные особенности. В своем исследовании Бет Левин пишет о необходимости осуществить дальнейшее деление глаголов изменения психологического состояния на классы [Levin 1993: 191]. Может быть, это возможно сделать по указанному нами пути, опираясь на подчеркнутые нами отличия внутри данной группы. Очевидно, стоит обратить внимание на наличие или отсутствие такого компонента семантики, как физическое воздействие на экспериенцера, т.к. именно глаголы с таким компонентом (*hurt*, *harass*) показали больше всего «отклонений».

Глава 3. Глаголы интерпретации в чешском языке: основные признаки и их реализация в тексте

В данной главе мы ставим перед собой задачу проследить, как выявленные ранее признаки ИГ реализуются на материале чешского языка¹⁰. Для этого была использована выборка из Чешского национального корпуса (Český Národní Korpus), включающая четыре лексемы: *očerňovat* ‘очернять’, *lichotit* ‘лстить’, *vyhrožovat* ‘угрожать’ и *škodit* ‘вредить’.

Očernit - (expr.) roznést pomluvu o někom, nespravedlivě obvinít.

Lichotit – 1. chválit někoho (často přehnaně) s úmyslem získat jeho přízeň; 2. (přen.) být vhod něčí ješitnosti, příjemně působit.

Vyhrožovat – hrozbami zastrašovat, nutit k povlnosti.

Škodit – působit škodu; být na újmu, neprospívat.¹¹

Обратим внимание на толкования этих глаголов, каждое из которых содержит указание на конкретное действие.

3.1. Семантические признаки

Напомним, что, согласно Апресяну, двухактантность значения интерпретационных глаголов выражается в наличии двух переменных, описанных в следующем толковании интерпретационного значения: «Говорящий, имея в виду прошлое действие Р, в момент речи интерпретирует Р как тип поведения R» [Апресян 2004: 6]. Как и в материале английского языка, чешские контексты, содержащие ИГ, не всегда содержат в себе предикат Р, то есть конкретное действие не всегда бывает обозначено, однако существует довольно большая доля контекстов, в которых такое указание содержится. Рассмотрим, какие способы введения конкретного действия в предложение характерны для чешского языка.

1. Придаточные предложения, вводимые союзами *že, když, jak, kteří*.

Данная группа является самой многочисленной. Отметим, что при одинаковом способе введения конкретного действия данные контексты обнаруживают

¹⁰ В данной главе мы опираемся на те же признаки ИГ по [Апресян 2004], которые описали в разделе 1.2.

¹¹ Толкования даны по словарю *Internetový slovník současné češtiny* (<https://www.nechybujete.cz/slovník-současne-cestiny>).

различия, обусловленные семантикой ИГ. Так, например, при глаголах *očerňovat*, *škodit* и *lichotit* эти союзы вводят действие, которое уже состоялось, либо происходит в момент интерпретации его говорящим (см. примеры (а, б, в, д, е, к)), в то время как при глаголе *vyhrožovat* обозначенные выше союзы вводят действие, которое произойдет, если объект угроз не выполнит ультиматум угрожающего (см. примеры (г, ж, з)).

a. „Je mojí povinností ti sdělit, “pokračovala paní MRDová, „že tě pomlouvají a očerňují, ale víc nemůžu. Šíří o tobě, že jsi spodina a nedouk, obyčejný sběrač míčků, nebo že jsi dokonce kdysi s tlapačem dělal reklamu na léčbu pohlavních chorob.

Конкретное действие выражено в предложении, следующем за предложением, содержащим ИГ: *šíří o tobě, že jsi spodina a nedouk...* - они распространяют о тебе (слухи, информацию), что ты подонок и недоучка...

б. Pak ji začal... lichotit, jak je pěkně udělaná a jaké má svůdné boky.

В (б) союз *jak* вводит речевое высказывание, интерпретируемое рассказчиком как лесть.

в. Německá propaganda pod vedením fanatického nacisty Goebbelse neustále očerňovala českého prezidenta Dr. Eduarda Beneše a „židovské vydřidušské kapitalisty a bolševiky“, kteří údajně ohrožovali německý stát...

В приведенном контексте то, каким именно способом очернялся чешский президент, капиталисты и большевики, введено при помощи придаточного предложения, причем наречие *údajně* дает понять, что в данном предложении передается чужая речь, речь тех, кто очернял. Таким образом его можно отнести к вспомогательным инструментам введения конкретного действия, если таковым является не принадлежащее говорящему высказывание.

г. ...když si začnu šunku hltavě cpát rukama do úst a kusy mi jí zůstávají za nehty, vyhrožuje, že zavolá policii.

Союз *že* присоединяет действие (вызов полиции), которое грозится выполнить субъект предложения.

д. Grym začínal chápat, že lidé se vlastně nesnažili Orky znovu a znovu očerňovat tím, že je líčili jako vzteklé kretény...

Контекст (д) знаменателен тем, что содержит в себе указательное местоимение *tím*, указывающее на конкретное действие, введенное далее при помощи союза *že*.

*e. Neboť říkejte si, co chcete, každé ženě trochu **lichotí**, když o ni muž projeví zájem.*

Данный контекст обладает генерическим значением, о чем знаменует местоимение *každé*, а также союз *když*, не только вводящий конкретное действие, но еще и указывающий на его повторяемость.

ж. Vyhrožoval mi, že mne pošle do pracovního tábora, když neudělám to, oč mne žádal.

з. Áres vyhrožoval, že nebude-li okamžitě osvobozen, všechno rozmlátí.

и. Doktor Montgomery jí vyhrožoval, že pokud s ním nepůjde, řekne Taylorovi o všem, co se mezi nimi odehrálo.

В контекстах (ж, з, и) читатель имеет возможность отчетливо проследить оба компонента угрозы: требование угрожающего и санкцию, которая последует в случае невыполнения этого требования, введенную при помощи союза *že*.

к. ...když se urážíme, škodíme tak sobě i ostatním stejně, jako když urážíme jiné...

2. Сочинительные цепочки. В данную группу попали контексты с глаголом *očerňovat*. Они (а, б) не содержат в себе средств, указывающих на связь конкретного действия и интерпретации, таким образом, при вычленении конкретного значения нужно рассматривать более широкий контекст.

а. Potom obejde sousedy, známé, neznámé a drží jim přednášku. O mně. Očerňuje mně. Všude.

б. Noviny očerňovaly vědce; někteří z nich byli Američané, a tak byli nařknuti z využívání Indie jako terénu na testování experimentů...

3. Отглагольное существительное, образованное от глагола, называющего конкретное действие. Данная валентность является разграничивающим признаком между глаголом *vyhrožovat* и остальными тремя исследуемыми ИГ. Если в случае последних отглагольное существительное указывает на действие, которое уже имеет (или имело) место быть и подвергается интерпретации (см. а, б, в), то в контекстах с глаголом *vyhrožovat* отглагольное существительное обозначает конкретное действие, которое является нежелательным для жертвы угроз, с помощью которого субъект пытается получить от жертвы желаемое (г-ж).

a. *Pussy Riot seděly ve vězení, Navalnému hrozilo deset let v pracovním táboře, nevládní organizace se dostaly pod nevídaný tlak a hnutí bílých stužek bylo očerňováno obviňováním z financování ze Západu.*

б. *Nepředstírané nadšení mi lichotilo.*

в. *...pošetilci ty drby opakují a věří, že mi škodí nadnesenými výroky...*

г. *Evelyn vyhrožuje sebevraždou...*

д. *Ten chcípák mi snad vyhrožuje násilím?*

е. *Mladý muž neunesl takovou „pohanu“ a vyhrožoval pomstou.*

ж. *Posledních jedenáct let stále vyhrožují stávkami a násilím...*

4. Для глагола **očerňovat**: существительное с предшествующим ему союзом **jako**, указывающим на то, с помощью каких имен происходит очернение. Данный союз «замещает» целое высказывание: вместо введения конкретного действия («X сказал, что Y – [экстремист, марионетка Запада, разлагающиеся остатки...]») рассказчик использует ИГ, союз и имя, которое было дано.

a. *Ústřední výbor komunistické strany přijal text rezoluce, který neloajální Karabašce očerňoval jako „extrémisty“...*

б. *Konzervativci mohou očerňovat své oponenty jako loutky Západu.*

в. *...dokonce často očerňovali národnostní státy jako rozkládající se přežitky méně osvícených časů.*

5. Для глаголов **očerňovat** и **vyhrožovat**: существительное, обозначающее предмет, при помощи которого осуществляется угроза. Наша выборка показала следующие примеры таких предметов: письмо (а), векселя (б), оружие (в).

a. *Je to jinak dobrý soudruh, oddaný, nemá žádné buržoazní sklony a určitě tím dopisem nechtěl očerňovat sovětské zřízení.*

б. *On získal nějaké tetiny směnky a pokusil se mi jimi vyhrožovat.*

в. *Neobtěžoval jsem se vyhrožovat mu zbraní...*

6. Другое. В данную группу попали контексты, конкретное действие в которых выражено при помощи других инструментов языка: прямая речь говорящего, содержащая в себе догадки о конкретном действии субъекта (а), предлоги *kvůli* (б) и *ohledně* (в), прямая речь (г).

a. *Myslíte si, že jste první, kdo si všiml rozporů v naší minulosti? První, kdo narazil na něco neobvyklého? To byste si lichotila.*

б. *Módní návrhářky jí lichotily kvůli skvělé postavě...*

в. *...už několik přátel mi lichotilo ohledně mého hlasu.*

г. *"Mám sto chutí říct Silasovi, aby sem přišel a přivedl vás k rozumu!" vyhrožovala.*

Выделив данные способы введения конкретного действия в предложение, содержащее ИГ, мы показали, во-первых, двухактантность значения таких предикатов, во-вторых, то, какими способами указанная двухактантность значения может проявляться, то есть какие валентности имеют глаголы интерпретации в чешском языке. Отметим, что материал нашей выборки не показал валентность «разговорные конструкции с анафорическими сентенциональными местоимениями, отсылающими к конкретному действию (*Это ты погорячился*)», возможную для русского языка [Апресян 2004: 19].

Признак **референции** к моменту речи соотносится с возможностью ИГ использоваться для интерпретации действий именно в момент речи, вне зависимости от того, когда именно данное конкретное действие произошло (и произошло ли оно в принципе). Для иллюстрации данного признака обратимся к следующим контекстам:

а. ... hanby za stát, který nepřestává očerňovat naše národní dějiny...

Данный контекст содержит интерпретацию конкретного длительного действия, которое, как подсказывает контекст, началось до момента речи, и все еще длится, при этом интерпретация говорящим происходит именно в момент речи.

*б. "Lichotíš mi, Quinte! Nechystáš se mě požádat o nějakou laskavost?"
в. Vy mi lichotíte!*

Контексты (б) и (в) – диалоговые, в них хорошо прослеживается референция к моменту речи, т.к. говорящий наблюдает некоторое конкретное действие, чаще всего представленное неким высказыванием, и, реагируя на него, подвергает его интерпретации в своем ответе.

г. „Řval na mě, že si za to můžu sama a jestli si budu někde stěžovat, že to příště bude ještě horší!“ „On ti takhle vyhrožuje?“

Контекст (г) содержит в себе предположение об интерпретации конкретного действия («кричал, что если я пожалуюсь, то дальше будет хуже»)

и отнесения его к угрозам. Попытка интерпретации происходит в момент получения информации от другого говорящего.

3.2. Грамматические признаки

Перфективность ИГ выражается в том, что интерпретируемое действие представляется как уже имевшее место быть, даже если ИГ находится в форме НСВ. Проявление данного признака видим в контекстах (а-д):

a. Už od doby, kdy Mikael zazářil na novinářském nebi jako meteor, si Ove škodolibě mnul ruce pokaždé, když bývalého kolegu někdo v médiích očerňoval.

В (а) видим наречие *pokaždé* (каждый раз) в сочетании с союзом *když* (когда) и ИГ в форме НСВ, то есть речь идет о повторяющемся событии в прошлом. Тем не менее, для каждого из повторяющихся актов интерпретации было необходимо предварительное совершение действия.

б. Nejen proto, že ji Kamila před ostatními dětmi neustále očerňovala a pečlivě dbala na to, aby se sestrou nikdo ani nepromluvil, ale taky proto, že byla jiná než ostatní.

Контекст (б) содержит ИГ *očerňovala* и наречие *neustále*, свидетельствующее о многократности действия в течение продолжительного периода времени. Многократность свидетельствует о том, что действие несколько раз начиналось и заканчивалось, то есть обладает перфективностью.

в. Je to synek z milionářský rodiny. Majetek jsme jim znárodnili, tak nemá socialismus rád. Zkouší to různě. Pomlouvá a očerňuje naše zřízení, taky už za to seděl.

Контекст (в) содержит в себе прямое указание (*taky už za to seděl*) на то, что интерпретируемое действие уже состоялось, в то время как ИГ имеет форму настоящего времени.

г. "Lichotíš mi, Quinte! Nechystáš se mě požádat o nějakou laskavost?"

Диалоговый контекст (г) иллюстрирует перфективность следующим образом: *Lichotíš mi* означает *Ты уже мне польстил*.

3.3. Сочетаемостьные признаки

Наша выборка из Чешского национального корпуса не опровергает описанную Ю.Д. Апресяном неспособность ИГ сочетаться с наречиями длительности. Так, было выявлено лишь два подобных контекста:

a. *Jsmo připraveni, neboť mezinárodní společenství, které tak dlouho očerňovalo libanonskou zkušenost...*

б. *„Často se nepodaří napoprvé urovnat ty, kde došlo k rozchodu rodičů v raném dětství, pečující rodič bránil styku dítěte s druhým rodičem, celá léta druhého rodiče **očerňoval**, tam vztahy mohou být natolik pokřivené...*

Абсолютное превосходство контекстов, не содержащих в себе наречий длительности, показывает, что для ИГ не является характерной легкая сочетаемость с подобными наречиями.

Что касается сочетаемости с активными начинательными глаголами, наша выборка обнаружила несколько контекстов, содержащих ИГ в сочетании с глаголом *začít*: *A čeští představitelé později na proslulém rokování v Čierné nad Tisou jaksi příliš pochlebovali Brežněvovi, přísahali věrnost ideálům komunismu, zatímco je sovětský tisk začal všemožně očerňovat.; Pak ji začal z obou stran hladit a lichotit jí...; Whitey mu začal vyhrožovat a otec ho udeřil do tváře.*

3.4. Лицо при ИГ. Условия для перволичных употреблений

Выборка из Чешского национального корпуса выявила следующие факторы, провоцирующие употребление ИГ в форме первого лица:

а) Контекст отрицания: *Nikomu tím **neškodím**, ani tobě, ani malému Ebenezzerovi.*

б) Контекст оправдания или заверения в том, что говорящий не хотел совершить конкретное действие, которое могло бы быть негативно проинтерпретировано (а-е):

a. *A židova příroda, to je kavárna. Je to jinak dobrý soudruh, oddaný, nemá žádné buržoazní sklony a určitě tím dopisem **nechtěl očerňovat** sovětské zřízení.*

б. *A říkám to jako důvod k sebereflexi, **nikoli k tomu, abych jiné očerňoval** – není to zajisté míněno tak, že „ochranář = nacista“.*

в. *Konkrétní ale nebudu, **nechci** někoho **očerňovat** a křivdit mu...*

г. *Musím přiznat, že **nemám v úmyslu vám lichotit**...*

д. *To znamená krumpáč, ale **nechci** ho použít, **aby si nemysleli, že jim vyhrožuji.***

е. *Promiň, **nechci** nikomu **škodit**.*

в) В диалоговом контексте – призыв не давать негативную интерпретацию тому или иному действию говорящего: *Nemyslete si, že vám lichotím, ale v tom obleku vypadáte skvěle...*

г) Указание говорящего на невозможность интерпретации действий говорящего как негативных: *Nedokážu Broda očerňovat, měli jsme ho rádi, byl člen naší rodiny.*

д) Осознание говорящим негативности собственных действий:

а. *Očerňuji ji; ale nezapomínám na oko zákona.*

б. *...když se urážíme, škodíme tak sobě i ostatním stejně, jako když urážíme jiné.*

е) Гипотаксический контекст [Падучева 2006: 406]: *Autority v oblasti zdravé výživy postupně dospěly k závěru, že jsme tuk očerňovali neprávem.*

Выводы по главе 3

В данной главе мы проверили реализацию на материале чешского языка признаков ИГ, выделенных Ю.Д. Апресяном [Апресян 2004]: двухактантность значения, наличие референции к моменту речи, перфективность, неспособность сочетаться с наречиями длительности, способность сочетаться с начинательными глаголами. Все указанные признаки нашли отражение на материале чешского языка.

Кроме того, на материале выборки были рассмотрены и описаны способы введения интерпретируемого конкретного действия: придаточное предложение с союзами *že, když, jak, kteří* (напр., *Pak ji začal... lichotit, jak je pěkně udělaná a jaké má svůdné boky*) и без использования союзов (*Potom obejde sousedy, známé, neznámé a drží jim přednášku. O mně. Očerňuje mně. Všude*), при помощи отглагольного существительного (*Nepředstírané nadšení mi lichotilo*), при помощи союза *jako* для глагола *očerňovat* (*Konzervativci mohou očerňovat své oponenty jako loutky Západu*) и др. Помимо этого, при глаголах *očerňovat* и *vyhrožovat* возможно существительное, обозначающее предмет, при помощи которого осуществляется угроза (*Neobtěžoval jsem*

se **vyhrožovat** mu zbraní...; *Je to jinak dobrý soudruh, oddaný, nemá žádné buržoazní sklony a určitě tím dopisem **nechtěl očerňovat** sovětské zřízení).*

Как и для английского языка, на материале чешской выборки были сделаны выводы о том, какими контекстами может быть обусловлено перволичное употребление негативно-оценочных интерпретативов. Было выявлено, что такое употребление возможно в следующих контекстах: отрицание (*Nikomu tím **neškodím**, ani tobě, ani malému Ebenezerovi*), оправдание (*A židova příroda, to je kavárna. Je to jinak dobrý soudruh, oddaný, nemá žádné buržoazní sklony a určitě tím dopisem **nechtěl očerňovat** sovětské zřízení*), нежелание выполнять негативно интерпретируемое конкретное действие (*Promiň, **nechci** nikomu **škodit***), в диалоге – призыв не давать негативную интерпретацию тому или иному действию говорящего (*Nemyslete si, že vám lichotím, ale v tom obleku vypadáte skvěle...*), указание на невозможность негативной интерпретации действий говорящего как разновидность оправдания (***Nedokážu** Broda **očerňovat**, měli jsme ho rádi, byl člen naší rodiny*), осознание негативности собственных действий (***Očerňuji** ji; ale nezapomínám na oko zákona*) и гипотаксический контекст (*Autority v oblasti zdravé výživy postupně dospěly k závěru, že **jsme** tuk **očerňovali** neprávem*).

Глава 4. Глаголы интерпретации в переводоведческом аспекте (на материале чешского и английского языков)

В данной главе мы ставим перед собой задачу установить межъязыковые параллели для ИГ в паре языков «чешский-английский» и проанализировать иные переводоведческие решения на основе анализа перевода романа Милана Кундеры “*Nesnesitelná lehkost bytí*” с чешского на английский язык. Теоретической базой для выявления способов перевода служит концепция переводческих соответствий, изложенная в монографии В.Н. Комиссарова «Лингвистика перевода» [Комиссаров 2009].

Понятие «эквивалентности» перевода, т.е. «смыслового отождествления» единиц исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ), их коммуникативная равноценность, является центральным не только для лингвистики перевода, но и языкознания в целом [Комиссаров 2009: 51]. А.Д. Швейцер отмечает, что понятие эквивалентности «многие теоретики считали и считают одной из наиболее важных онтологических черт перевода» [Швейцер 1988: 76]. Исходя из этого, была создана концепция переводческих соответствий, позволяющая оценить, насколько то или иное переводческое решение удовлетворяет задаче перевода – языковой и коммуникативной равнозначности текста оригинала и текста перевода. В.Н. Комиссаров подчеркивает, что для оценки эквивалентности перевода необходимо точно представлять, «что должно быть обязательно сохранено в переводе» [Комиссаров 2009: 52]. Очевидно, что в случае перевода интерпретативов с одного языка на другой должна максимально успешно обеспечиваться равноценность значения единиц ИЯ и ПЯ, т.к. рассматриваемые нами предикаты содержат в своей семантике, во-первых, указание на некое конкретное действие, подверженное интерпретации, во-вторых, негативно-оценочную семантику. Оценивать «успешность», «адекватность» (которые мы вслед за В.Н. Комиссаровым будем считать синонимами понятия «эквивалентность»), можно с позиций концепции переводческих

соответствий, которая предполагает наличие у единицы языка переводческих соответствий в ПЯ. Таким образом, адекватными соответствиями мы будем называть такие соответствия, которые обеспечивают равноценность значения интерпретативов, то есть тоже обладают интерпретационным значением.

Переводческие соответствия делятся на единичные (постоянные) и множественные (вариантные). Единичное соответствие — это «наиболее устойчивый постоянный способ перевода данной единицы ИЯ, используемый во всех (или почти во всех) случаях ее появления в оригинале и в этом смысле относительно независимый от контекста» [Комиссаров 1990: 139]. Такие соответствия имеются, главным образом, у терминов, собственных имен, географических названий, а также у некоторых обиходных слов и словосочетаний. Единичное соответствие может быть присуще всему слову в целом или слову в одном из его значений. Множественное (вариантное) соответствие — это «несколько регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, выбор между которыми определяется условиями контекста» [Комиссаров 1990: 140]. Таким образом, каждое из вариантных соответствий лишь частично передает значение исходной единицы. Вариантные соответствия устанавливаются между единицами в том случае, когда в ПЯ существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова. Помимо единичных и вариантных, существуют лексические, грамматические и фразеологические соответствия, одноуровневые и межуровневые, регулярные и нерегулярные (окаzionaliальные), а также безэквивалентные (нулевые).

Обратимся к интерпретационным глаголам, найденным в проанализированных текстах, и их переводам на английский язык. Для удобства описания и анализа разделим все исследуемые контексты на две группы: 1) контексты, для которых и в оригинале, и в переводе использован глагол, обладающий интерпретационным значением; 2) контексты, в которых ИГ наблюдается только в одном языке. Отметим, что в данной главе установление переводческих соответствий ИГ в паре «чешский-английский»

производится только на основе собранного материала. Расширение материала может расширить и варианты перевода.

Для начала рассмотрим группу контекстов, в которых глагол, обладающий интерпретационным значением, встречается в обоих языках.

1) *Ve chvíli, kdy by porušil tuto podmínku, jeho ostatní milenky by se, octly ve druhořadém postavení a vzbouřily by se.* - *The moment he violated that clause of the contract, his other mistresses would assume inferior status and become ripe for insurrection.*

В данном контексте перевод лексемы *porušit* при помощи глагола *violate* полностью оправдан, т.к. оба глагола обладают схожим интерпретационным значением. Чтобы подтвердить это, обратимся к словарным значениям глаголов.

Porušit – 1. rušivě změnit; nedodržet zákon, slib, povinnost ap., nesplnit nějaké požadavky; 2. změnit z dobrého stavu k horšímu

Violate – 1. to not obey a law, rule, or agreement; 2. to not allow someone something that they should morally be allowed to have.

Единицы *porušit* и *violate* являются регулярными соответствиями в пределах первого значения – ‘нарушить правило, закон’, в котором они использованы в рассматриваемом нами контексте.

Единица *violate* была использована для перевода еще одного чешского глагола: *...jeho milenka se rozhodla zrušit řeholi čistoty, kterou vnesl do jejich vztahu... - ...his mistress seemed determined to violate the zone of Purity he had introduced into their relationship...*

Zrušit – 1. učinit neplatným; 2. zastavit působnost, činnost, existenci něčeho.

Семантика чешского глагола, в отличие от английского *violate*, не предполагает наличия интерпретационного значения, соответственно, мы имеем дело с переводческой трансформацией, в ходе которой текст перевода приобрел дополнительное, интерпретационное, значение.

2) *Chtěl nad ní bdít, chránit ji, těšit se její přítomností, ale necítil žádnou potřebu měnit způsob svého života.* - *He wanted to be able to watch over her, protect her, enjoy her presence, but felt no need to change his way of life.*

Chránit – odvracet nebezpečí, škodu.

Protect – to keep someone or something safe from something dangerous or bad.

Значения рассматриваемых лексем совпадают, следовательно, мы можем назвать данную пару единичными соответствиями.

3) *Nikdo nevěděl lépe než on, že jeho avantýry Terezu v ničem **neohrožují**.* - *No one knew better than he how little his exploits **threatened** Tereza.*

Ohrožit – uvést v nebezpečí.

Threaten – 1. to tell someone that you will kill or hurt them, or cause problems for them if they do not do what you want. 2. to be likely to cause harm or damage to something or someone.

Как видим, значения лексем обладают существенными различиями: согласно словарному толкованию, чешская лексема обладает значением 'подвергать опасности', в то время как английская – '1. говорить кому-то, что ты убьешь его или причинишь вред, создашь ему проблемы, если он не сделает то, что ты хочешь; 2. быть способным причинить вред или навредить кому-то или чему-то'. В переводе видим неполное совпадение с синтаксической структурой оригинала, в ИЯ использована отрицательная конструкция, а в ПЯ – неполное отрицание, оставляющее пространство для угрозы, из-за чего при «переносе» на язык перевода было произведено смысловое изменение предложения оригинала, из-за чего данный перевод мы не можем назвать успешным.

В нашей выборке встретилась еще одна лексема, переведенная на английский язык при помощи глагола *threaten*: *Vyhrožovali ji, že ji zastřelí, ale sotva ji pustili, odešla znovu do ulic a znovu fotografovala.* - *There they **threatened** to shoot her, but no sooner did they let her go than she was back in the streets with her camera.*

Vyhrožovat – hrozbami zastrašovat, nutit k povolnosti.

Семантика данной чешской лексемы соотносима с семантикой глагола *threaten*, в обоих толкованиях прослеживается наличие конкретного действия и его интерпретация, из-за чего данные лексемы являются адекватными регулярными соответствиями.

4) *Když na ni nestačím já sám, musíš mi **pomoci**.* - *Since I can't cope with her by myself, you must **help** me.*

Pomocť, pomoci – 1. přispět pomoci, poskytnout podporu; 2. umožnit dostat se někam nebo odněkud; 3. přinést úlevu, ulehčit; 4. zbavit nepřijemností.

Help – 1. to make it easier for someone to do something; 2. to make something easier or better.

Данные лексемы являются регулярными переводческими соответствиями.

5) *Věřila, že po tom, co zažila ve dnech invaze, nebude už malicherná, stane se dospělá, moudrá, silná, ale přecenila se.* - *She thought that after what she had been through during the invasion she would stop being petty and grow up, grow wise and strong, but she had overestimated herself.*

Přecenit – 1. *ocení příliš vysoko, nad skutečnou hodnotu; 2. stanovit jinou cenu, změnit cenu (zboží).*

Overestimate – *to guess or think that something is bigger or better than it really is.*

Подвергнем анализу только первое значение чешского глагола, в котором он использован в контексте. Видим, что оно, как и значение английского *overestimate*, является интерпретационным (‘оценить что-то слишком высоко, думать, что что-то лучше/больше, чем оно есть на самом деле’). Таким образом, единицы *přecenit* и *overestimate* являются регулярными соответствиями.

6) *Tou narážkou na Beethovena se Tomáš už vlastně vracel k Tereze, protože právě ona ho donutila, aby si kupovali desky s Beethovenovými kvartety a sonátami.* - *This allusion to Beethoven was actually Tomas's first step back to Tereza, because she was the one who had induced him to buy records of the Beethoven quartets and sonatas.*

Donutit – *nátlakem, násilím způsobit, aby někdo něco udělal; přinutit, přimět.*

Induce – 1. *to persuade someone do something; 2. to cause a particular condition; 3. to give a woman a drug to make her have a baby earlier than she would naturally.*

Лишь первое значение *induce*, в котором употреблен глагол в контексте, является интерпретационным, его мы и будем рассматривать. Лексемы *donutit* и *induce* считаем адекватными соответствиями, т.к. они обладают схожим интерпретационным значением одного и того же конкретного действия.

7) *Závrať je něco jiného než strach z pádu. Závrať znamená, že nás hloubka pod námi přitahuje, vábí, probouzí v nás touhu po pádu, které se pak vyděšení bráníme.* - *No, vertigo is something other than the fear of falling. It is the voice of the emptiness below us which tempts and lures us, it is the desire to fall, against which, terrified, we defend ourselves.*

Vábit – 1. *poutat pozornost, vzbuzovat zájem, touhu po něčem; 2. (o lovcích) napodobovat hlas určité zvěře a tím ji k sobě lákat; (o zvěři) hlasem přivolávat zvíře opačného pohlaví nebo mláďata.*

Lure – *to persuade someone to go somewhere or do something by offering them something exciting.*

Сравнив словарные толкования данных лексем, видим следующую разницу: английский глагол обладает более ярко выраженным оценочным компонентом, чешский глагол на его фоне выглядит нейтральным (‘привлекать внимание’). В данном случае была произведена гипонимическая трансформация, т.е. в ПЯ была использована «единица более узкого конкретного значения» [Швейцер 1988: 130].

8) Обратный процесс, гиперонимическую трансформацию, видим в следующем примере:

*Byla jí s to dnes chápat. Vždyť jsou obě ve stejné situaci: matka miluje otčima jako Tereza miluje Tomáše a otčím trápí matku nevěrami stejně jako Tomáš **mučí** Terezu.* - She was in a position to understand her now; they were in the same situation: her mother loved her stepfather just as Tereza loved Tomas, and her stepfather tortured her mother with his infidelities just as Tomas **galled** her with his.

Mučit – 1. tělesně týrat (zvláště při výslechu ap.); 2. působit duševní utrpení.

Gall – 1. to be rude enough to do something that is not considered acceptable; 2. to annoy someone.

В переводе использована единица более широкого значения (ср. ‘мучить, пытаться’ и ‘совершить что-то неприемлемое’).

9) *Ta zpráva proměnila Terezino zoufalství z Tomášových nevěr ve vzpouru a vyčítala si, že matku **zradila** pro muže, který ji nemiluje.* - She **had betrayed** her mother, she told herself reproachfully, and for a man who did not love her.

В нашей выборке встретилось несколько контекстов с соответствиями *zradit* – *betray*, потому для удобства мы приведем сразу все эти контексты:

*Už když **zradila** otce, otevřel se před ní život jako dlouhá cesta zrad a každá nová zrada jí přitahovala jako neřest a jako vítězství.* - After she **betrayed** her father, life opened up before her, a long road of betrayals, each one attracting her as vice and victory.

*Franz jel na Sabině a **zrazoval** svou ženu, Sabina jela na Franzovi a **zrazovala** Franze.* - Franz was riding Sabina and **had betrayed** his wife; Sabina was riding Franz and **had betrayed** Franz.

*Člověk může **zradit** rodiče, manžela, lásku, vlast, ale když už pak nejsou ani rodiče, ani manžel, ani láska; ani vlast, co zbude pro **zradu**?* - One could **betray** one's parents, husband, country, love, but when parents husband, country, and love were gone — what was left to **betray**?

*Neboť duši vzrušovalo právě to, že tělo jedná proti její vůli, **zrazuje** ji a ona se na tu zradu dívá.* - For what made the soul so excited was that the body was acting against its will; the body **was betraying** it, and the soul was looking on.

*O tělo, které ji zradilo a které vyhnala do světa mezi jiná těla. - The body that **had betrayed** her and that she had sent out into the world among other bodies.*

Zradit – 1. dopustit se zrady, stát se zrádcem; 2. (přen. expr.) přestat fungovat

Betray – 1. to behave in a dishonest or cruel way to someone who trusts you; 2. to show an emotion that you were trying to hide.

Первые словарные значения данных лексем, в которых они употреблены, являются интерпретационными, следовательно, можно говорить об адекватности перевода.

Что касается других аспектов переводов, обратим внимание на несоответствие грамматических форм в контексте: *Franz jel na Sabině a zrazoval svou ženu, Sabina jela na Franzovi a zrazovala Franze. - Franz was riding Sabina and **had betrayed** his wife; Sabina was riding Franz and **had betrayed** Franz.*

Форма НСВ прошедшего времени, использованная в оригинале, скорее соответствует форме Past Continuous в английском языке, а в переводе использован Past Perfect. Таким образом действие, интерпретируемое как предательство, представляется в переводе на английский язык уже состоявшимся, в то время как мы видим по контексту, что оно все еще длится на момент интерпретации.

Обратим также внимание на контекст: *Člověk může zradit rodiče, manžela, lásku, vlast, ale když už pak nejsou ani rodiče, ani manžel, ani láska; ani vlast, co zbude pro zradu? - One could **betray** one's parents, husband, country, love, but when parents husband, country, and love were gone — what was left to **betray**?*

В нем английская лексема *betray* использована как для глагола *zradit*, так и для отглагольного существительного *zrada* (предательство), т.е. в данном контексте при переводе была осуществлена грамматическая трансформация.

10) *Byla ochotna zapomenout všechno, čím ji kdy matka trápila. - She was willing to forget everything her mother had done to **torture** her.*

*Byla jí s to dnes chápat. Vždyť jsou obě ve stejné situaci: matka miluje otčima jako Tereza miluje Tomáše a otčím trápí matku nevěrami stejně jako Tomáš mučí Terezu. - She was in a position to understand her now; they were in the same situation: her mother loved her stepfather just as Tereza loved Tomas, and her stepfather **tortured** her mother with his infidelities just as Tomas galled her with his.*

Trápit – 1. působit trápení; soužit, sužovat; 2. týrat; mučit.

Torture – to cause someone severe pain, often in order to make them tell you something.

При сравнении словарных толкований исследуемых лексем видим, что они отличаются лишь тем, что английское толкование дает нам дополнительный контекст – ‘часто для того, чтобы заставить человека что-то сказать’, то есть выдать какую-то информацию. В чешском толковании такого уточнения нет, тем не менее оба глагола обозначают ‘применение силы для того, чтобы заставить объект страдать’. Мы делаем вывод, что данные лексемы являются адекватными соответствиями.

11) *Měli mu za zlé kompromis, který připustil, cítili se poníženi jeho ponížením a jeho slabost je urážela.* - *They reproached him for compromising; they felt humiliated by his humiliation; his weakness offended them.*

Urazit – 1. *hrubě se dotknout něčí cti, citů ap.;* 2. *nárazem, úderem oddělit;* 3. *zdotat vzdálenost, cestu.*

Offend – 1. *to make someone upset or angry;* 2. *to commit a crime.*

Оба глагола использованы в контексте в своих первых, интерпретационных, значениях. В рамках этих значений они являются адекватными соответствиями, т.е. при переводе сохранено интерпретационное значение.

12) *Zdalo se mu, že by tím ponížil milenku i manželku a konec konců i sám sebe.* - *And that, he felt, would humiliate both mistress and wife and, in the end, himself as well.*

Ponížit – *poranit, snížit něčí důstojnost.*

Humiliate – *to make someone feel stupid or ashamed.*

Данные глаголы являются адекватными соответствиями, оба обладают интерпретационным значением.

13) *Prádlo podtrhovalo půvab jejího ženství a tvrdý mužský klobouk to ženství popíral, znásilňoval, zesměšňoval.* - *The lingerie enhanced the charm of her femininity, while the hard masculine hat denied it, violated and ridiculed it.*

Zesměšnit – *učinit směšným.*

Ridicule – *to laugh at someone in an unkind way.*

Предложение на ИЯ подверглось гипонимической трансформации, в результате которой был использован ИГ, обладающий более узким и более негативным значением.

*Matka se jí vysmívala, že nejsou velká, jak se sluší, takže měla komplexy, jichž ji zbavil teprve Tomáš. - Her mother used to **ridicule** her for having such small breasts, and she had had a complex about them until Tomas came along.*

Vysmát se – 1. smíchem, výsměchem projevit opovržení; 2. dosyta se nasmát.

В данном контексте видим использование того же глагола *ridicule*, но теперь он не вступает в противоречие с лексемой ИЯ, т.к. в оригинале использован глагол с подобной негативной окраской, что обеспечило успешность перевода.

14) *Prádlo podtrhovalo půvab jejího ženství a tvrdý mužský klobouk to ženství popíral, znásilňoval, zesměšňoval. - The lingerie enhanced the charm of her femininity, while the hard masculine hat denied it, **violated** and ridiculed it.*

Znásilnit – násilím donutit k souloži.

Violate – 1. to not obey a law, rule, or agreement; 2. to not allow someone something that they should morally be allowed to have.

Данный чешский ИГ использован в предложении в переносном смысле, так автор определяет, как странно смотрелся мужской котелок на героине, в какой контраст он входил с ее женственностью. Женственность героини является объектом и в оригинале, и в переводе. Несмотря на то, что английская и чешская лексемы, использованные в данном контексте, не являются регулярными соответствиями, мы признаем адекватность этого перевода, т.к. переносное значение чешского глагола успешно передано при помощи *violate*. Тем не менее, в других контекстах, данные лексемы скорее всего не смогут быть названы адекватными соответствиями, что позволяет нам назвать данное соответствие окказиональным.

15) *Byl připraven po návratu diskutovat přátelsky, jak má vše zařídit, aby jí **ublížil** co nejméně. - He expected to come home and talk it all out in a friendly atmosphere so as not to **harm** Marie-Claude any more than necessary.*

Proč mi chtěl **ublížit**? - What makes him want to **hurt** me?

Ublížit – způsobit (tělesnou, duševní) újmu, škodu.

Harm – to damage something or make something worse.

Hurt – 1. to feel pain in a part of your body, or to injure someone or cause them pain; 2. to cause emotional pain to someone; 3. to cause harm or difficulty.

Итак, для перевода чешского ИГ *ublížit* были использованы в разных контекстах два английских глагола – *harm* и *hurt*. Перевод при помощи *harm* является гиперонимической трансформацией, т.к. семантика данного глагола предполагает нанесение любого вреда, в то время как в толковании *hurt* подчеркивается, что вред наносится именно чувствам или телу (как и в толковании чешского ИГ).

16) *Opustila jednoho muže, protože ho chtěla opustit. Pronásledoval ji pak? Mstil se jí? Ne.* - *She had left a man because she felt like leaving him. Had he persecuted her? Had he tried to take revenge on her? No.*

Mstít - *vykonávat mstu za křivdu, zlý čin na někom spáchaný; trestat spáchanou křivdu mstou.*

Take revenge - *to harm someone as a punishment for harm that they have done to you.*

Видим, что лексемы обладают одинаковым толкованием, при этом переводчиком был выбран не просто глагол *revenge*, а интерпретационное словосочетание *take revenge*, что привело к грамматической трансформации. Перевод можно считать адекватным.

17) *To tělo nemělo dosti sil, aby se stalo pro Tomáše jediným tělem jeho života. To tělo ji zklamalo a zradilo.* - *It lacked the power to become the only body in Tomas's life. It had disappointed and deceived her.*

Zklamat – 1. *způsobit někomu rozčarování, ztrátu iluzí; 2. nemít očekávaný úspěch.*

Disappoint – *to fail to satisfy someone or their hopes, wishes, etc., or to make someone feel unhappy.*

Данные лексемы в силу сохранения при переводе интерпретационного значения являются адекватными переводческими соответствиями.

18) *To tělo nemělo dosti sil, aby se stalo pro Tomáše jediným tělem jeho života. To tělo ji zklamalo a zradilo.* - *It lacked the power to become the only body in Tomas's life. It had disappointed and deceived her.*

Zradit – 1. *dopustit se zrady, stát se zrádcem; 2. (přen. expr.) přestat fungovat.*

Deceive – *to persuade someone that something false is the truth, or to keep the truth hidden from someone for your own advantage.*

Данный контекст претерпел гиперонимическую трансформацию, т.к. в переводе использована лексема с более широким значением (ср. ‘предать’ и ‘обмануть’).

Теперь обратимся к переводческим контекстам, в которых ИГ использован только в ИЯ или только в ПЯ, а также попробуем выделить причины таких трансформаций.

а. Лексические трансформации:

1) *Závrat' je něco jiného než strach z pádu. Závrat' znamená, že nás hloubka pod námi přitahuje, vábí, probouzí v nás touhu po pádu, které se pak vyděšení bráníme. - No, vertigo is something other than the fear of falling. It is the voice of the emptiness below us which **tempts** and lures us, it is the desire to fall, against which, terrified, we defend ourselves.*

Přitáhnout – 1. tažením, tahem přiblížit, dopravit k něčemu; 2. (trochu) utáhnout, pevněji stáhnout; 3. (expr.) přinést; 4. (expr.) přivést; 5. dostavit se někam, k něčemu ve větším množství; 6. (mysl.) (hlavně o ptactvu) přiletět, přijít; 7. (magnetickou silou, atraktivitou ap.) způsobit, že se něco dostane k něčemu.

Tempt – to make someone want to have or do something, especially something that they do not need or something that is wrong.

Чешская лексема не обладает интерпретационным значением, она использована в предложении в своем буквальном значении (*притягивать*). Переводчик же выбрал для перевода ИГ *tempt*, что стало причиной семантического приращения в тексте перевода.

2) *Kdyby jim byl nosil drahé dárky, dosáhl by jistě setkání snadněji. Pochopil, že si má synovu lásku u matky zaplatit a předplatit. - He soon realized that bringing them expensive gifts would make things a good deal easier, that he was expected to **bribe** the mother for the son's love.*

Zaplatit - 1. vydat peníze za určité hodnoty, věci; 2. penězi uhradit odměnu, mzdu ap.; 3. být potrestán.

Předplatit (si) – objednat a předem uhradit postupné odebírání určité věci nebo užívání nějakých služeb po určitou dobu.

Bribe – to try to make someone do something for you by giving them money, presents, or something else that they want.

В данном контексте был использован глагол *bribe* ‘давать взятку’, то есть была произведена лексическая трансформация. В ИЯ глагол *předplatit* был

частью метафоры, поскольку герою пришлось «подписаться» на любовь своего сына за деньги, как люди подписываются на газеты и журналы. И эти деньги должны были быть заплачены его матери. Переводчик же, используя такую английскую лексему, лишает своего читателя этой метафоры, этой аналогии с газетами (которая разворачивается дальше, когда герой перестает общаться с сыном, потому что ему это не нужно и не интересно, как будто сын – это что-то неодушевленное, на что можно подписаться, а потом отписаться).

3) *Česká města byla vyzdobena tisíci ručně malovaných plakátů s posměšnými nápisy, epigramy, básněmi, karikaturami Brežněva a jeho armády, které se všichni smáli jako cirkusu analfabetů.* - *Czech towns were decorated with thousands of hand-painted posters bearing ironic texts, epigrams, poems, and cartoons of Brezhnev and his soldiers, jeered at by one and all as a circus of illiterates.*

Smát se – 1. *projevovat veselí smíchem*; 2. *úsměvem projevovat přízeň, přívětivost; usmívat se*; 3. *dělat si z někoho legraci.*

Jeer – *to laugh or shout insults at someone to show you have no respect for them.*

В данном контексте при переводе была совершена лексическая трансформация, т.к. чешский глагол не имеет негативной коннотации, а английский имеет (это показано в толковании), к тому же английский глагол обладает интерпретационным значением, т.к., помимо того, что содержит в своей семантике негативный оценочный компонент, может замещать несколько конкретных действий (*смеяться, кричать оскорбления*), в то время как чешский глагол не обладает таким значением. Можно говорить о том, что перевод при помощи такого ИГ усилил оценочность.

4) *Poslechla Tomáše a za matkou nejela.* - *Tereza obeyed Tomas and did not go to visit her mother.*

Poslouchat – 1. *vnímat sluchem*; 2. *plnit něčí rozkazy, dbát něčích rad.*

Obey – *to act according to what you have been asked or ordered to do by someone in authority, or to behave according to a rule, law, or instruction.*

При переводе на английский был использован ИГ *obey*, изменивший смысл оригинального предложения, т.к. этот глагол обычно используют, когда человек не просто слушает чей-то совет, а выполняет приказы вышестоящего лица, что расширяет контекст оригинала.

5) *Nebyla řečena útočně, naopak, hlaholivý smích měl okamžitě dát najevo, že odmítnutí šperku nemění nic na přátelství, které Marie-Claude cítí pro maliřku, ale přece jen to byla věta, která se vymykala způsobu, jak Marie-Claude mluvila s jinými.* - *They were not meant to be combative; the raucous laughter immediately following them made it clear that by rejecting the pendant Marie-Claude did not wish to jeopardize her friendship with Sabina.*

Měnit – 1. dělat jiným; 2. provádět vzájemnou výměnu; vyměňovat, směňovat; 3. nahrazovat jiným téhož druhu; střídát; 4. postupovat si navzájem místo.

Jeopardize – *to put something such as a plan or system in danger of being harmed or damaged.*

Видим, что в ИЯ не был использован ИГ, в английском же переводе он появился, что привело к лексической трансформации.

6) *Aby nebylo omylu: Nechce Tomášovi nic oplácet. Chce najít východisko z bludiště.* - *Let there be no mistake: Tereza did not wish to take revenge on Tomas; she merely wished to find a way out of the maze.*

Oplatit – *dát rovnocennou náhradu, vracet něco oplátkou.*

Take revenge - *to harm someone as a punishment for harm that they have done to you.*

В ИЯ не использован ИГ, но, очевидно, глагол выступает в контексте в своем переносном значении, что делает подобную лексическую трансформацию оправданной.

6. Грамматические трансформации:

1) *Je jeho přítěží a nechce ji být.* - *She was weighing him down and would do so no longer.*

Přítěž – 1. *co svou váhou dočasně nebo navíc zatěžuje;* 2. *(přen.) co je na obtíž, zbytečné, co překáží.*

Weigh down – *to make a person feel worried and unhappy because of problems, responsibilities, and duties.*

В данном контексте ИГ *weigh down* был использован для перевода предложения с существительным *přítěž*, что представляется оправданным, т.к. данный английский ИГ отражает в своем значении такие действия, которые делают субъект обузой (*přítěž*) для объекта.

2) *Ale kdo nemyslí na své tělo, stane se o to snadněji jeho obětí.* - *But when we ignore the body, we are more easily victimized by it.*

Oběť – 1. kdo nebo co podlehl, podléhá nějakému zlobnému účinku; 2. nezištný čin ve prospěch druhých za cenu vlastní újmy; 3. dar (osoba, zvíře, věc) zaslíbený božstvu a přinášený jako dík, oslava, prosba; 4. obřad, při kterém se slavnostně tento dar odevzdává.

Victimize – to treat someone in an intentionally unfair way, especially because of their race, sex, beliefs, etc.

В данном контексте видим перевод по той же модели, что и в предыдущем: в ИЯ использовано существительное, в ПЯ – глагол с интерпретационным значением, семантически связанный с этим существительным. При переводе был выбран иной, нежели в оригинале, способ передачи обобщенно-личного значения (ср. *Ale kdo nemyslí na své tělo... But when we ignore the body...*).

3) *Malovala ho v době, kdy škola vyžadovala nejpřísnější realismus (nerealistické umění bylo tehdy považováno za **podvracení** socialismu)... - ...which she had done during her school days, a period when the strictest realism had been required of all students (art that was not realistic was said to **sap** the foundations of socialism).*

Podvracení – úsilí zpochybnit nebo oslabit stávající moc nebo platné normy, ať zákonné, mravní, kulturní nebo společenské.

Sap – to make someone weaker or take away strength or an important quality from someone, especially over a long period of time.

Здесь также видим перевод предложения, содержащего существительное, при помощи глагола с интерпретационным значением. При этом чешское существительное означает именно подрыв власти, в то время как английский глагол не имеет в своей семантике прямого указания на объект.

в. Лексико-грамматические трансформации:

1) *Už dopředu se cítil unaven. - The very thought of it **exhausted** him.*

Exhaust – to make someone extremely tired.

Unavit – zbavit sil; vyčerpát.

Английский глагол *exhaust*, обладающий некоторой долей интерпретационного значения, использован для перевода словосочетания *se cítil unaven* ('чувствовал себя уставшим'), предложение лексически и грамматически трансформировано. Отметим, что лексемы *unaven* и *exhausted* отличаются степенью выраженности признака (усталости), так, последнее

означает крайнюю степень усталости, что видно из толкования, т.е. имеет место гипонимизация.

2) *Ten pohled ho uvedl do rozpaků, protože mu nerozuměl.* - *That stare bewildered him; he could not understand it.*

Rozpaky – 1. *nerozhodnost; bezradnost (uvést koho do rozpaků)*; 2. *zdlouhavé promýšlení.*

Bewilder – *to confuse someone.*

Чешское словосочетание *uvést do rozpaků* имеет значение ‘смутить’, в то время как английский глагол означает ‘озадачивать’. Кроме того, была изменена грамматическая структура, вместо словосочетания использован отдельный глагол. Эти изменения дают возможность назвать перевод лексико-грамматической трансформацией.

Выводы по главе 4

Итак, проанализировав переводческие соответствия из романа “*Nesnesitelná lehkost bytí*”, мы можем выделить адекватные соответствия между английскими и чешскими ИГ: *chránit – protect, porušit – violate, ospravedlnit – justify, vyhrožovat – threaten, pomoci – help, přecenit – overestimate, donutit – induce, vábit – lure, zradit – betray, trápit – torture, vzrušit – excite, urazit – offend, ponížit – humiliate, vysmát se – ridicule, ublížit – hurt, mstít – take revenge, zklamat – disappoint*. Мы называем их адекватными соответствиями, т.к. они обеспечивают коммуникативную равнозначность оригинала и перевода, т.е. сохраняют в переводе интерпретационность значения.

Наша выборка также содержит множество примеров переводческих трансформаций контекстов, содержащих ИГ (в обоих языках, только в ИЯ или только в ПЯ). Подавляющая часть таких трансформаций может быть охарактеризована как гипонимические либо гиперонимические трансформации, напр. *vábit – lure*. В ходе подобных трансформаций значение глагола, использованного в ИЯ, может либо сужаться (*zesměšnit – ridicule*), либо расширяться (*mučit – gall*).

Заключение

В данной выпускной квалификационной работе представлен многоаспектный анализ глаголов интерпретации на материале английского и чешского языков.

В Главе 1 были проанализированы различные подходы к семантической типологии предикатов, а также было рассмотрено место ИГ в такой типологии. Было выявлено, что позиция интерпретативов в такой классификации особая, поскольку глаголы изучаемой группы не составляют отдельный класс семантической типологии: в их состав могут входить предикаты разных семантических групп, объединенные рядом специфических характеристик, основной из которых является интерпретационное значение, т.е. способность, не называя конкретного действия, давать ему интерпретацию, оценку со стороны. Интерпретационное значение принципиально двухактантно, оно состоит из конкретного действия (пресуппозиция) и квалификации, т.е. оценки этого действия говорящим (ассерция) [Апресян 2004: 11]. Группа интерпретационных глаголов не является достаточно изученной на материале русского и английского языков, до сих пор не существует общепринятого перечня признаков таких глаголов, отсутствуют исследования на материале чешского языка.

Опираясь на концепцию, изложенную в работе «Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства» [Апресян 2004], мы рассмотрели семантические, синтаксические, грамматические и сочетаемостные признаки данного класса предикатов в чешском и английском языках.

В Главе 2 на материале выборки из СОСА была исследована реализация в английском языке характерных признаков глаголов интерпретации. Для нашей выборки английских ИГ являются релевантными следующие признаки: двухактантность значения, наличие референции к моменту речи, перфективность, неспособность сочетаться с наречиями длительности, связь с наблюдаемыми поведенческими событиями, наличие позитивного или

негативного оценочного компонента, потенциальная соотносимость с множеством разных конкретных действий, наличие у интерпретируемого действия начала и конца, описание ситуации, а не человека. Не оказались полностью релевантными для нашей выборки следующие признаки: неспособность сочетаться с наречиями длительности (наша выборка показала возможность сочетания ИГ из нашей выборки с наречием *long*, однако в рассмотренных контекстах наречие обозначает не продолжение действия, а темпоральный промежуток, во время которого многократно совершаются точечные действия), а также способность сочетаться с активными начинательными и финитивными глаголами.

Помимо этого, в разделе 2.1.1 были описаны специфические для английского языка способы введения в предложение с ИГ конкретного действия. Такое действие, во-первых, является важным компонентом значения ИГ, во-вторых, некоторые аспекты его введения могут быть необычными для материала выбранного языка (так, например, Ю.Д. Апресян в своей основополагающей работе об ИГ описал нетривиальные валентности русского интерпретатива [Апресян 2004]). Для английского языка такие валентности выражаются: герундием в подчиненной предикации, следующей за ИГ, герундием в роли подлежащего при ИГ, предлогом *by*, бессоюзным придаточным предложением, вынесением конкретного действия за пределы предложения и сочинительной цепочкой. Для предиката *threaten* описана особая валентность – частица *to* при инфинитиве, указывающая на действие, нежелательное для объекта угрозы. В разделе 2.1.3 были рассмотрены случаи употребления ИГ в формах 1 л. единственного и множественного числа, которые не считаются свойственными глаголам с интерпретационным значением, т.к. говорящий очень редко подвергает негативной интерпретации свои собственные действия [Гловинская 1989: 114]. Однако в нашей выборке глаголы в такой форме зафиксированы. Как показала наша выборка, такие употребления обеспечиваются следующими условиями: контекст отрицания,

нежелание говорящего выполнять действие, контекст вопроса, озвучивание чужой интерпретации, извинение, самоосуждение и признание неизбежности негативно интерпретируемого действия.

Раздел 2.2 содержит анализ предикатов из «серой зоны» ИГ – таких единиц, которые выступают в интерпретационном значении в некоторых контекстах, но не разделяют полностью всех признаков исследуемых предикатов.

В разделе 2.3 показан возможный способ дальнейшего деления группы глаголов, в которую в лингвистических работах на материале английского языка часто относят как собственно интерпретативы, так и глаголы, далекие от ядра этого класса, либо вовсе не входящие в него. Было предложено обосновать такое деление на альтернативах и деривационных особенностях таких глаголов, обусловленных их семантикой.

Глава 3 посвящена реализации в тексте признаков чешских ИГ на материале выборки из Чешского национального корпуса. Все отобранные для анализа признаки (двухактантность значения, наличие референции к моменту речи, перфективность, неспособность сочетаться с наречиями длительности, способность сочетаться с начинательными глаголами) нашли отражение на материале чешского языка.

Кроме того, в разделе 3.4 на материале выборки были рассмотрены и описаны способы введения интерпретируемого конкретного действия: придаточное предложение с союзами *že, když, jak, kteří* и без использования союзов, при помощи отглагольного существительного, при помощи союза *jako* для глагола *očerňovat* и др. Помимо этого, при глаголах *očerňovat* и *vyhrožovat* возможно существительное, обозначающее предмет, служащий орудием угрозы.

В разделе 3.1., как и для английского языка, на материале чешской выборки были сделаны выводы о том, какими контекстами может быть обусловлено перволичное употребление негативно-оценочных интерпретативов. Было выявлено, что такое употребление возможно в

следующих контекстах: отрицание, оправдание, нежелание выполнять негативно интерпретируемое конкретное действие, в диалоге – призыв не давать негативную интерпретацию тому или иному действию говорящего, указание на невозможность негативной интерпретации действий говорящего как разновидность оправдания, осознание негативности собственных действий и гипотаксический контекст.

В Главе 4 были проанализированы переводческие соответствия в паре «чешский-английский» из романа Милана Кундеры “*Nesnesitelná lehkost bytí*”, в результате чего были найдены адекватные (то есть отражающие интерпретационное значение предиката и потому обеспечивающие коммуникативную равнозначность оригинала и перевода) соответствия: *chránit – protect, porušit – violate, ospravedlnit – justify, vyhrožovat – threaten, pomoci – help, přecenit – overestimate, donutit – induce, vábit – lure, zradit – betray, trápit – torture, vzrušit – excite, urazit – offend, ponížit – humiliate, vysmát se – ridicule, ublížit – hurt, mstít – take revenge, zklamat – disappoint*. Мы называем их адекватными соответствиями, т.к. они обеспечивают коммуникативную равнозначность оригинала и перевода, т.е. сохраняют в переводе интерпретационность значения. Кроме того, были выявлены и описаны переводческие трансформации, которым подверглись контексты, содержащие ИГ при переводе с чешского языка на английский.

Таким образом, все цели, заявленные во Введении, были достигнуты. Исследование дало углубленное понимание специфики глаголов интерпретации как класса предикатов, их признаков и особенностей функционирования в тексте.

Материал и выводы данного исследования могут быть включены в курсы по сопоставительному синтаксису, лексикологии, по теории и практике перевода, а также полезны в переводческой деятельности.

В качестве перспективы исследования предполагается изучение расширенного списка чешских и английских глаголов интерпретации и

выявление специфики разнообразных видо-временных форм ИГ на основе объемной корпусной выборки.

Список сокращений

ИГ – интерпретационные глаголы

СОСА – Corpus of Contemporary American English (корпус современного американского английского)

ИЯ – исходный язык

ПЯ – переводящий язык

Список источников

1. Корпус современного американского английского языка (СОСА). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>. (Дата обращения: 15.05.2022)

2. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения: 29.04.2022)

3. Colins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (Дата обращения: 30.04.2022)

4. Internetový slovník současné češtiny. URL: <https://www.nechybujte.cz/slovník-soucasne-cestiny> (Дата обращения: 13.05.2022)

5. Чешский национальный корпус. URL: <https://www.korpus.cz/> (Дата обращения: 20.04.2022)

6. Milan Kundera “Nesnesitelná lehkost bytí”. <https://adoc.pub/kundera-milan-nesnesitelná-lehkost-byti.html> (Дата обращения: 03.03.2022)

7. Milan Kundera “The Unbearable Lightness of Being”. Translated by Michael Henry Heim. <https://yes-pdf.com/book/1731/read> (Дата обращения: 03.03.2022)

Список использованной литературы

1. Апресян 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып.1. / Под общ. ред. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.
2. Апресян 1999 — Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы — группа ошибаться // W zwierciadle języka i kultury. Red. J. Adamowski, S. Niebrzegowska. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1999. S. 309-332.
3. Апресян 2004 — Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. № 1. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 5-22.
4. Бахар 2008 — Бахар Г. Фразеологизмы с глагольным компонентом со значением «человек, его качества и поведение» (с позиции носителя турецкого языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008. 22 с.
5. Бондарко 2002 — Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянских культур, 2002. 736 с.
6. БТР 2004 — Български тълковен речник. IV издание / Доп. и прераб. от Д. Попов. София, 2004. 1094 с.
7. Булыгина 1997 — Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: «Школа Языки русской культуры», 1997. 576 с.
8. Васильев 1981 — Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учебное пособие для слушателей факультетов повышения квалификации. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
9. Васильев 1996 — Васильев, Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке: Сб. науч. ст. Уфа, 1996. С. 55-62.
10. Гловинская 1989 — М.Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: Фундаментально-стилистический аспект. М., 1989. С. 74-146.

11. Данилова 2005 — Данилова В.С., Кожевников Н.Н. Система мировоззренческих универсалий современной философии // Вестник Якутского государственного университета, 1: Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2005. С. 47-52.

12. Егоренкова 1996 — Егоренкова Н.А. Семантическая типология предикатов при выражении ситуации причинной обусловленности в русском языке, СПб. 1996 URL: <http://cheloveknauka.com/semanticheskaya-tipologiya-predikatov-pri-vyrazhenii-situatsii-prichinnoy-obuslovlennosti-v-russkom-yazyke>.

(Дата обращения: 12.03.2021)

13. Иванова 2009а — Иванова Е.Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. / Под науч. ред. проф. Ст. Димитровой. С., 2009. 335 с.

14. Иванова 2009б — Иванова Е.Ю. Семантическая типология предикатов в сопоставительном аспекте: предикаты «свойств» в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2009. No 3-4. С. 3-17.

15. Иванова 2012а — Иванова Е.Ю. Семантическая классификация предикатов в аспекте теории и практики перевода (русско-болгарские параллели) // Русистика: язык, культура, перевод: Сборник докладов юбилейной международной научной конференции (София, 23-25 ноября 2011 г.). София: Изток-Запад, 2012. С. 301-307.

16. Иванова 2012б — Иванова Е.Ю. Глаголы семантического подкласса «поведения» (болгарско-русские параллели) // Езикът на времето. Сборник доклади по случай 70-годишния юбилей на проф. д. ф.н. Иван Куцаров». Пловдив, 2012.

17. Иванова 2017 — Иванова Е.Ю. Проблемы сопоставительного синтаксиса славянских языков // Slavica Wratislaviensia. CLXV. 2017. С. 147-156.

18. Ivanova, Eremchenko 2021 — Elena Ivanova, Alexandra Eremchenko. Misvaluation: On the Bulgarian verbs подценявам ‘underestimate’ and надценявам

'overestimate', their semantic structure and translation into Russian // Български език и литература. 2021. Vol. 63. № 6. p. 620-626.

19. Комиссаров 1990 — Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

20. Комиссаров 2008 — Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

21. Кустова 2004 — Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

22. Кустова 2021а — Кустова Г.И. Инфинитивные конструкции с предикативами разных семантических классов в Национальном корпусе русского языка // КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА. Труды международной конференции. СПб: ООО "Скифия-принт". 2021. С. 296-305.

23. Кустова 2021б — Кустова Г.И. Типы инфинитивных конструкций с предикативами (по данным Национального корпуса русского языка) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2021». 2021. 20 (27). С. 456–463.

24. Кустова 2021в — Кустова Г.И. Прагматические факторы в семантике конструкций с предикативами // Проблемы лингвистической прагматики: доклады Междунар. науч. конф., Калуга, 10-12 сентября 2021 г. Отв. ред. А.Н. Еремин. КГУ им. К.Э. Циолковского. 2021. С. 123–133

25. Маслов 1948 — Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303-316.

26. Недялков 1987 — Недялков В.П. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 180–195.

27. Падучева 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 480 с.

28. Падучева 2004 — Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
29. Падучева 2006 — Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2006. №5(12). С. 403-413.
30. Селиверстова 1982 — Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 86-157.
31. Храковский 1987 — Храковский В.С. Фазовость // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 153–180
32. Федченко 2000 — Федченко Л.Р. Семантические типы предикатов, выраженных глаголами эмоционально-оценочной группы appreciate, cherish, value, Уфа, 2000. URL: <http://vuz-24.ru/nex/vuz-45680.php> (Дата обращения: 5.03.2021).
33. Швейцер 1988 — Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
34. Daneš, Hlavsa 1981 — Daneš F., Hlavsa Z. Větné vzorce v češtině. Praha: Academia, 1981. 271 s.
35. Dic 1978 — Dic S.C. Functional Grammar. Amsterdam, 1978.
36. Dixon 2005 — Dixon R.M.W. A Semantic Approach to English Grammar. 2nd ed. New York: Oxford University Press Inc., 2005. 543 p.
37. Dowty 1979 — Dowty D.R. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht (Holland): Reidel, 1979. 418 p.
38. Fillmore 1968 — Fillmore Ch. J. The case for case // E. Bach, H. Harms (eds). Universals in Linguistic Theory. N. Y. 1968. P. 1—90.
39. Grepl, Karlík 1998 — GREPL, Miroslav a Petr KARLÍK. Skladba češtiny. Olomouc: Votobia, 1998. 503 s.

40. Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. 242 p.
41. Levin 1993 — Levin B. *English Verb Classes and Alternations: A Preliminary Investigation*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 348 p.
42. Lieber 2004 — Lieber R. *Morphology and Lexical Semantics*. New York: Cambridge University Press, 2004. 196 p.
43. Ljung 1975 — Ljung M. State control // *Lingua*. 1975. V. 37. N 2/3.
44. Maas et al. 2006 — Maas A., Karasawa M., Politi F., Suga S. Do Verbs and Adjectives Play Different Roles in Different Cultures? A Cross-Linguistic Analasis of Person Representation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 90. № 5. P. 743-750.
45. Miller 1970 — Miller J. Stative verbs in Russian // *Foundations of Language*. International Journal of Language and Philisophy. 1970. V. 6. № 4.
46. Novotný 1984 — Nástin syntaktického popisu češtiny (na základě valenční teorie). Ústí nad Labem: Univerzita J.E. Purkyně, 1984. 112 s.
47. Petr et al. 1987 — Petr J. a kol. *Mluvnice češtiny III. Skladba*. Praha: Academia, 1987. 746 s.
48. Schmid 2020 — Schmid J., Fiedler K., Semin G.R., English B. *Measuring Implicit Causality: The Linguistic Category Model*. Heidelberg: University of Heidelberg, 2020.
49. Semin, Fiedler 1988 — Semin G.R., Fiedler K. The cognitive functions of linguistic categories in describing persons: Social cognition and language // *Journal of personality and Social Psychology*. 1988. 54(4). P. 558–568.
50. Vendler 1957 — Vendler Z. Verbs and times // *The philosophical review*. 1957. V. 66. P. 143-160.
51. Vendler 1967 — Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1967. 203 p.
52. Wierzbicka 1980 — Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. Sydney etc.: Acad. Press, 1980. 368 p.